ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ Издательство „Правда". 1949 г. 9

№ 9
СЕНТЯБРЬ
1949 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Вы, конечно, знаете, кто этот мальчик в пионерском галстуке, с развевающимся знаменем в руке. Это Павлик Морозов, пионер из села Герасимовки. Пятнадцать лет назад имя Павлика Морозова стало известным всей нашей стране. Помогая коммунистам своего села строить советскую власть, Павлик смело выступал против врагов колхозов — сельских кулаков. Своим бесстрашием в этой борьбе он прославил всю пионерскую организацию, показав, как поступают настоящие пионеры. 3 сентября 1934 года враги убили Павлика, но память о его подвиге осталась в сердцах советских людей. Сюда, в парк юных пионеров Краснопресненского района Москвы, где воздвигнут памятник Павлику Морозову, часто приезжают отряды пионеров. И, глядя на отважное лицо юного героя, ребята клянутся быть верными ленинцами.

Желаем успеха, друзья!

Начался учебный год! Снова на ваших столах, дорогие читатели «Пионера», появились старые друзья, с которыми большинство из вас не встречалось всё лето,— тетради, учебники, готовальни. Снова каждый день приносит вам новые знания, новые уменья и навыки.

Но не только для вас начался учебный год. У нас, в нашей замечательной стране, учатся все. И это помогает нам добиваться таких успехов, которых не знают другие страны.

По вечерам, часто, когда вы уже спите, садятся за тетради и учебники взрослые. Закончив свой трудовой день, учатся инженеры и доктора, рабочие и колхозники, лётчики и генералы. Каждый хочет сегодня узнать больше, чем он знал вчера.

Спустившись с мостика после вахты, учится в своей каюте капитан корабля. Отпустив последнего посетителя, берётся за книгу председатель совета. Учится писатель, новую повесть которого вы читали с таким интересом. Учится учитель.

Мы попросили людей различных профессий рассказать читателям «Пионера», почему они продолжают учиться. Прочтите внимательно эти страницы. Вы увидите, что нет такого дела, которое можно выполнять отлично, если не будешь учиться.

А вам, ребята, надо учиться особенно хорошо. Вы ещё не работаете. Ваша главная обязанность — хорошо учиться. Набирайтесь знаний, чтобы, вооружившись ими, стать полезными тружениками на благо нашей Родины.

Желаем вам успеха в новом учебном году!

И на моём столе лежат учебники

Как-то недавно я зашёл в книжный магазин и попросил дать мне учебник кристаллохимии. Знакомый продавец — я часто беру у него новые книги—спросил меня, завёртывая покупку:

— А на каком курсе учится ваш сын?

— Это не для сына,— ответил я.— Он уже давно кончил институт. Это для меня.

Продавец недоверчиво улыбнулся:

— Вы шутите, товарищ профессор! Зачем же вам учебники, когда вы сами учёный?

Действительно, я учёный. Давно прошло то время, когда я был школьником. Уже много лет я читаю лекции студентам Московского химико-технологического института имени Менделеева. Многие из моих учеников тоже ведут научную работу.

И всё же на моём столе часто лежат учебники. Я сижу за ними совершенно так же, как сидите вы, готовя уроки.

Для чего же мне на старости лет продолжать учиться? Потому, что иначе я не смогу оставаться учёным.

Дело в том, что ни одна наука не стоит на месте. Каждая наука постоянно расширяется, растёт, захватывает всё новые области знания. Те сведения, без которых я мог спокойно обходиться вчера, сегодня становятся мне необходимыми.

Я химик. Моя специальность — технология стекла. В своей лаборатории я изучаю свойства различных сортов стекла и стараюсь создать новые стёкла, каких раньше не было.

Стекло — один из самых замечательных материалов. Оно очень дёшево. Его можно сделать таким же прочным, как сталь. Ему можно придать любой цвет. Оно не пропускает воду, плохо проводит тепло, задерживает звук.

С каждым годом стекло находит всё новое применение в промышленности. Из

стекла уже делают сковородки и броню, кабины самолётов и галстуки.

Мне захотелось сварить такое стекло, из которого можно было бы строить дома. Стены таких домов были бы легче, прочнее и красивее кирпичных, лучше сохраняли бы тепло и не пропускали бы уличного шума.

Но сам я домов не строю. А инженеры-строители привыкли иметь дело с кирпичом или бетоном. Я должен был дать им такие стеклянные кирпичи, которые понравились бы им больше глиняных. Для этого надо было узнать их требования.

И вот, прежде чем приняться за создание нового стекла, мне пришлось сначала самому изучить строительное дело. На моём столе появились учебники механики и сопротивления материалов, акустики и теплофизики.

Так бывает постоянно. Когда я работал над цветными стёклами для путевых сигналов, я ознакомился с железнодорожным делом. Когда я искал способ варить стекло для радиоламп, я должен был заняться радиотехникой.

Вот почему я всегда учусь чему-нибудь новому. И мне не только не наскучило учиться, но я каждый раз с увлечением раскрываю книгу, которая знакомит меня с той областью науки, которой я ещё не знаю.

Доктор технических наук,
лауреат Сталинской премии
И. И. Китайгородский

Почему я снова сел за парту

Школа, в которой я учусь, непохожа на вашу. Это вечерняя школа рабочей молодёжи. В нашем классе вы встретите молодых слесарей, токарей, монтёров. Днём они работают на фабриках и заводах, а вечером учатся.

Я тоже работаю слесарем на одном из авиационных заводов. Судьба моя сложилась так, что мне пришлось поступить на завод ещё в начале войны, не кончив семилетки. Потом я ушёл добровольцем на фронт и четыре года прослужил в десантных частях. Когда война кончилась победой наших войск, я снова вернулся в свой цех.

Скажу вам откровенно: сначала я не думал продолжать учиться. У меня есть квалификация: я слесарь пятого разряда; работаю я хорошо, выполняю две нормы в день.

Но очень скоро я понял, что с теми знаниями, которые у меня были, далеко не уйдёшь. Так и останешься навсегда рядовым слесарем. А мне хотелось работать на новых сложных станках, самому разбираться в чертежах, добиваться повышения скоростей. А для этого надо знать математику, геометрию, физику, тригонометрию. Да и не только это. Мне хотелось читать те же книги, что и мои товарищи, и так же хорошо всё понимать, участвовать в разговорах и спорах, а не помалкивать, когда речь заходит о вещах, о которых я не имею представления.

Я поступил в школу рабочей молодёжи. Сначала, конечно, мне было трудно. Простоишь восемь часов у станка, а затем быстро пообедаешь и бежишь в школу. Вот когда я научился ценить каждую минуту своего времени, чтобы ни одна не пропала зря! Я стал делать себе расписание на каждый день. Оказалось, что если правильно всё распределишь, то найдётся время и на работу, и на школу, и на приготовление уроков, и на чтение, и даже изредка... на футбол.

Уже первый год занятий в вечерней школе дал мне очень много. К тем практическим навыкам, которые у меня были, прибавилось теоретическое знание. Я не только хорошо обрабатывал деталь, но и знал, почему я применяю такие приёмы, а не другие. Я уже мог рассчитать, как надо изменить операцию, чтобы добиться ещё лучшего результата.

Вскоре меня перевели в заводскую лабораторию на более сложную и ответственную работу.

И тогда я решил учиться дальше. Я поставил себе цель — вернуться когда-нибудь в свой цех не слесарем, а инженером.

Кончив школу, я поступлю в техникум авиационной промышленности. Днём буду работать попрежнему, а вечером учиться.

Снова в школе! Фотоэтюд И. Петкова

Мне хочется сказать всем ребятам-школьникам:

— Наша Советская страна даёт возможность каждому учиться всему, что его интересует. Не отказывайтесь от этой возможности. Учитесь больше и лучше. Не бойтесь трудностей. Нет таких трудностей, которых нельзя преодолеть, было бы желание и воля.

А чем больше знаешь, тем легче, интереснее и увлекательнее работать и жить.

Ученик 7-й школы рабочей молодёжи
Коминтерновского района Москвы
Василий Журжалин

Не стоять на месте

меня много друзей среди пионеров и школьников. Я встречаюсь с ними на соревнованиях, у лагерных костров, в детских спортивных школах. Многие ребята учатся у меня плавать.

И очень часто у меня с ними происходит такой разговор:

— Вот какой вы счастливый, товарищ Мешков! — говорят мне ребята.—Вы чемпион Советского Союза, заслуженный мастер спорта. Вам только плавать да плавать. Не надо вам ни уроки готовить, ни об экзаменах думать. А нас с плохой отметкой и на тренировку не пустят.

Тогда я вынимаю из кармана свою студенческую книжку и показываю отметки, которые я получил на последних экзаменах.

Ребята бывают очень удивлены:

— Разве и вы тоже учитесь? Зачем это вам?

Да, дорогие мои друзья, я тоже учусь.

И я никогда не мог бы плавать быстрее всех в мире, если бы не учился.

Вы думаете, я плаваю так хорошо только потому, что у меня сильные руки и ноги и упрямый характер? Нет, этого одного ещё мало. Для того чтобы ставить мировые рекорды, надо очень хорошо знать, как устроено наше тело, как работают все его мышцы, суставы, нервы. Не менее важно знать и то, по каким законам живёт и развивается весь организм человека, иначе не сумеешь правильно организовать свою тренировку. Надо знать физику и механику, чтобы находить наиболее выгодное положение тела в воде и выработать наиболее правильные движения, которые придают пловцу скорость. Словом, надо знать очень многое. В наше время спорт — это тоже наука, и довольно сложная.

Многие из моих маленьких учеников научились отлично плавать всего за два года. Десять мальчиков и девочек стали чемпионами Москвы, а трое — чемпионами СССР. Этого бы не случилось, если бы я мог только показывать им, как я плаваю сам. Я объясняю им смысл каждого движения, почему надо делать так, а не иначе, и они хорошо усваивают мои уроки.

В этом году я окончил Институт физической культуры имени Сталина и сдал государственные экзамены. Теперь у меня высшее образование.

Но я ещё не кончил учиться и не скоро кончу. Для того чтобы плавать быстрее всех и не уступать другим странам мировые рекорды, которые принадлежат Советскому Союзу, я должен постоянно изучать опыт других мастеров спорта, знать всё новое, что открывает наука о человеке. Наука двигается вперёд, и если мы будем стоять на месте, то быстро от неё отстанем. А отстающих, как известно, бьют.

Заслуженный мастер спорта,
чемпион СССР по плаванию
Леонид Мешков

Я учусь для того, чтобы лучше учить других

У меня есть сын-школьник. Ему девять лет. Он часто спрашивает меня:

— Мамочка, ну зачем тебе учиться? Ведь ты сама учишь ребят!

Он не понимает, почему это я, преподавательница физики в средней школе, сижу допоздна за какими-то учебниками и даже сдаю экзамены. А между тем я учусь и даже, наверное, больше, чем многие из моих учеников.

Для того чтобы понятнее и живее объяснить на уроке предмет, каждый учитель должен постоянно пополнять свои знания. Ведь во всякой науке каждый день появляется что-нибудь новое. И чем больше будешь знать это новое, чего ещё нет в школьных учебниках, тем интереснее будет урок.

Никогда также нельзя знать заранее, какой вопрос зададут тебе сегодня твои ученики. Они прочтут в газете или услышат от старших о каком-нибудь новом открытии советских учёных и захотят узнать о нём подробнее. Будет нехорошо, если я не смогу удовлетворить их любознательность.

Мне сейчас приходится учиться особенно много. Я не только работаю в школе, но и учусь в аспирантуре Педагогического института, занимаюсь научной работой. Мне приходится сдавать экзамены по многим предметам.

При этом я волнуюсь не меньше, чем вы, ребята, на весенних испытаниях. Экзаминаторы у меня очень строгие, им нет дела до того, что я сама учительница. Они не прощают ни одного плохого ответа. Но зато какое удовлетворение испытываешь, когда сдан трудный экзамен! Чувствуешь, что вырос ещё на ступеньку, что стал ещё богаче знаниями.

Я счастлива, что живу в стране, где каждый может учиться.

Директор московской школы № 96
А. Дёмина

★

Сбор хлопка

Ольга Карышева **Рис. А. Алейникова**

За рекой Саларом ветер
Ворошит в садах листву,
По-хозяйски на рассвете
К солнцу повернул айву.

Солнце светит над Саларом,
Пар поднялся от реки,
Оживляются базары,
И проснулись кишлаки.

Воздух чистый и нежаркий,
Как бывает поутру,
Во дворе клюют цесарки
Золотую джугару;
Шмель позавтракал богато
В красной трещине граната.
Поднимают пыль бараны,
Первая арба прошла...

Салиха̀ вскочила рано,
Все косички заплела,
Говорит Кариму, деду:
«Не вернусь домой к обеду,
Ухожу сегодня в поле,
Буду хлопок собирать,
Сборный пункт назначен в школе,
Невозможно опоздать!
Мы хотим работать тоже,
Мы колхозникам поможем».

Дед Карим кивает ей:
«В добрый час, беги скорей!»

За базаром, за Саларом
Расстилаются поля,
И без края в этом крае
Хлопкородная земля.
Солнце утром только встанет —
На поля идёт народ,
В золотом Узбекистане
Каждый школьник — хлопковод.

На полях зима как будто
Побывала в это утро,
Только-только рассвело —
Стало всё кругом бело:
Это пышный белый хлопок
Вылез к солнцу из коробок.

На поля свои народ
Дружно семьями идёт,
Вдоль кустов идут цепочкой
Брат за братом, мать за дочкой,
И ребята с ними рядом
Помогают всем отрядом,
Нежный пух, прогретый солнцем,
Вырывают с волоконцем.
Ни одной пушинки хлопка
Не останется в коробках.

Салиха̀ двумя руками
Быстро, ловкими щипками
Вырывает лёгкий пух,
От снежков мешок распух,
И качаются кусты,
Все коробочки пусты.

Звонко сборщики поют,
Облака в руках несут.
Хлопка много, хлопок всюду,
Хлопок вьючат на верблюда,
В путь-дорогу отошлют.
Шею вытянул верблюд,
Он вразвалочку ступает,
Он бубенчик свой качает.
На полях со всех сторон
Слышен мерный перезвон,
В звон врываются гудки,
Тарахтят грузовики,
И слились в поток единый
Караваны и машины.

В кишлаках огни горят;
Дед Карим выходит в сад,
Время есть, ещё не поздно
Похозяйничать ему,
На земле, под небом звёздным,
Разостлал Карим кошму
И на этот стол без ножек,
Не спеша, поставил плов,
А потом принёс лепёшек.
Ужин во-время готов.

Булькает вода в арыке,
Где-то шлёпнулся орех...
За калиткой слышны крики,
Детский говор, детский смех...
Смотрит дед на Салиху̀,
На косички, все в пуху,
Говорит ей: «Ужин подан!
Честь и слава хлопководам!»

За власть Советов

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Валентин Катаев **Рис. Ф. Лемкуля**

В ГОРОДЕ ПОЯВИЛОСЬ ГЕСТАПО

О, как знакомы были Петру Васильевичу эти громадные чёрные деревья акации, но не белой акации, а какой-то другой, из той же породы цизальпиниевых, с шипами острыми и длинными, как у терновника, и с чёрными лентами стручков.

Он перелез через расшатанный парапет парка.

В парке не было ни души.

Неслышно ступая по сугробам очень мелкой, сырой листвы, Пётр Васильевич переходил от ствола к стволу и возле каждого ствола останавливался, прислушиваясь. Он задерживал дыхание, боясь нарушить тишину, стеной стоявшую вокруг него.

Ни звука.

Только слева, оттуда, где парк соприкасался с Маразлиевской улицей, из-за ступенчатого парапета долетали звуки города, приглушенные осенней тишиной.

Он прислушался.

Его обострившийся слух уловил в обыкновенных звуках улицы какой-то необыкновенный оттенок.

Несомненно, на Маразлиевской происходило нечто необычное.

Между чёрными стволами виднелись великолепные дома, красивые мачты электрических фонарей, чугунные ограды особняков, полуприкрытые багровыми плетями умирающего дикого винограда.

Хотя Маразлиевская считалась одной из самых красивых и больших улиц города, но в силу своего особого приморского положения она не отличалась большим оживлением.

Теперь же Пётр Васильевич услышал сильный шум движения и увидел между стволов частое мелькание легковых и грузовых машин.

Легковые машины останавливались у подъезда громадного нового здания.

Грузовики с натужным воем от перегретых моторов въезжали в ворота.

По ту сторону парапета виднелись каски и тесаки часовых. Из этого можно было заключить, что Маразлиевская оцеплена.

И Пётр Васильевич тотчас понял смысл того, что происходит.

В большое здание, повидимому, въезжали румынская и немецкая разведки. Во всяком случае, кроме румынской военной формы, Пётр Васильевич заметил несколько чёрных эсэсовских шинелей и фуражек.

В городе появилось гестапо.

Теперь стало ясно, почему начались облавы и почему такая тягостная, подавляющая тень упала на улицы, ставшие тихими, как тюремные коридоры.

Судя по тому движению и гулу возле дома Госбезопасности, которые Пётр Васильевич не столько слышал и видел, сколько угадывал своим необыкновенно обострившимся внутренним чутьём, там в это время происходил съезд главного начальства.

Следовало поскорее уходить как можно дальше от опасной улицы.

Он ускорил шаги и вдруг среди деревьев, далеко перед собой, увидел арки старинной турецкой крепости, те самые арки Александровского парка, которые так часто вставали перед ним чарующим видением детства.

Но те арки были покрыты плащом винограда, живописно окутывавшим стройные, воздушные пролёты на фоне моря, синего, как горящий спирт.

Теперь же они показались Петру Васильевичу суровыми, оголёнными, нищенски серыми.

И бурое, истерзанное море дымилось в их маленьких пролётах, как взорванный город, сплошь усеянное угловатыми обломками шторма.

На том месте, где раньше на солнце горел изумрудный газон и тяжело и жарко цвели почти чёрные штамбовые розы, теперь серые солдаты в глубоких, котлообразных касках торопливо рыли траншею и несколько тупорылых гусеничных тягачей и коричнево-жёлтых дальнобойных пушек на литых резиновых шинах, как жирафы, стояли среди поломанных туй, ожидая, когда позиция будет готова и их опустят в ямы.

Вокруг ходили часовые.

Пётр Васильевич постоял за деревом и потом осторожно пошёл назад.

Но едва он сделал несколько шагов, как заметил патруль, мелькавший между деревьями навстречу ему.

До крови прикусив губы и задышав носом, Пётр Васильевич свернул в сторону и побежал на носках. Хотя он бежал почти беззвучно, ему казалось, что он производит ужасный треск.

Он остановился и замер за деревом, отчётливо слыша, как у него бьётся сердце. Он понял, что парк окружён. Парк «прочёсывают». Совсем недалеко от себя он увидел старый блиндаж, заваленный жёлтыми листьями. Это было заброшенное бомбоубежище, вероятно устроенное ещё в самом начале войны для посетителей парка. Кое-где оно уже обвалилось и заросло бурьяном. Но земляные ступени ещё держались, и Пётр Васильевич, быстро оглянувшись по сторонам и нагнувшись, чтобы не стукнуться головой о перекрытие, сбежал вниз по этим ступеням. В тот же миг чья-то рука взяла его за горло, втащила в яму, швырнула и прижала к стене.

При слабом свете, проникающем в блиндаж сквозь дырявое перекрытие, Пётр Васильевич увидел прямо перед собой чёрную эсэсовскую фуражку с белым черепом, серое лицо с беспощадно сжатым ртом и руку в замшевой перчатке, которая держала финский нож, приставленный к его подбородку.

— Руиг,— тихо сказал эсэсовец, ещё более приблизив своё лицо к лицу Петра Васильевича.

Он в упор всматривался в него своими синими холодными глазами, полуприкрытыми тенью большого козырька.

«Ну, вот и всё»,— подумал Пётр Васильевич.

Кровь жарко бросилась ему в голову, оглушила и тотчас отлила с такой силой, что Пётр Васильевич почувствовал, как мозг его леденеет и как бы мучительно высыхает.

«Ну, вот и всё».

Он понял, что пропал. И всё же он почти бессознательно сделал отчаянную, бессмысленную попытку спастись.

— Ваше благородие,— забормотал он,— виноват, заблудился. Не туда зашёл. Извините великодушно...

Он замолчал.

Синие глаза продолжали в упор смотреть на него со страшным напряжением, как бы силясь что-то вспомнить. Толстая кожа над переносицей сморщилась и надулась.

И вдруг не улыбка, нет, а отдалённое подобие улыбки, тень улыбки тронула сжатый рот немца.

— Как ваша фамилия? — сказал он на очень чистом русском языке, продолжая держать Петра Васильевича за горло могучей рукой, которая в любую минуту могла изо всех сил сжаться.

— Улиер,— сипло сказал Пётр Васильевич. — Савва Тимофеевич Улиер, село Будаки, Аккерманского уезда.

— Неправда,— сказал эсэсовец.

— Ваше благородие! Святая истинная правда! Разрешите предъявить вид...

— Неправда. Вы — Пётр Васильевич Бачей, из города Москвы, юрист. Нет?

ВЗРЫВ НА МАРАЗЛИЕВСКОЙ

Пётр Васильевич почувствовал, что происходит что-то невероятное.

Пальцы эсэсовца разжались. Синие глаза продолжали смотреть в упор. Но теперь в них Пётр Васильевич увидел живое человеческое движение.

И в ту же минуту он узнал эти глаза.

Он узнал этот крупный, обветренный, простонародный рот, прямые светлые брови доброго человека, эту крепкую, побуревшую от загара шею и даже этот приятный, горячий запах здорового мужского тела.

— Лейтенант Павлов! — воскликнул Пётр Васильевич.

— Руиг,— засмеявшись глазами, сказал эсэсовец.— Лучше говорить спокойно.

— Вы... лейтенант Павлов? — тихо повторил Пётр Васильевич.

— Именно,— сказал лейтенант Павлов.

— Я вас не узнал.

— Между тем меня очень легко было узнать. Я ведь не изменил своего лица. Только мундир. Зато вы, товарищ Бачей, постарались. Настоящий молдаванин-единоличник. — Лейтенант Павлов усмехнулся: — Борода, свитка, шапка, постолы.

— Как же вы меня узнали?

— Профессия.

Петру Васильевичу представился знойный степной полдень, воздух, текущий по горизонту, его сын Петя, пёстрая девочка и пограничник в зелёной выгоревшей фуражке, который подбрасывает эту пёструю девочку, как букет, ловит её, переворачивает, и оба — папка и дочь — заливаются радостным смехом.

Боже мой, как давно, как далеко всё это было! Как будто бы на какой-то другой, счастливой планете.

— Слушайте, вы себе не можете представить, до чего я рад вас видеть! — наивно воскликнул Пётр Васильевич.

— И я тоже,— сердечно ответил лейтенант Павлов и вдруг довольно грустно улыбнулся: — Так как вы говорите? Шабо, Аккерман, Будаки?.. Страна вашего детства?

— Копчёная скумбрия,— прибавил Пётр Васильевич печально.

— Вот тебе и копчёная скумбрия! — сказал Павлов.

— Н-да... Покатались на моторной лодке. Погуляли. Ничего себе!

И они оба замолчали, задумались...

— Нет, всё-таки это чорт знает что! — воскликнул Пётр Васильевич сердито.

— Только, я вас очень прошу, руиг,— серьёзно сказал лейтенант Павлов,— а то может получиться зер шлехт. И вообще, предлагаю перейти подальше от входа. Вы в парке, случайно, не заметили их патрулей?

— Встретил два патруля.

— Два патруля? Это, знаете ли, зер, зер шлехт. Очевидно, они оцепили весь район. Тогда не будем терять времени.

Они перешли в самую глубину бомбоубежища и сели рядом на остатки дощатых нар.

И, торопливо рассказывая лейтенанту Павлову свою историю, Пётр Васильевич впервые за последнее время чувствовал подлинное блаженство оттого, что так свободно и просто разговаривает с советским человеком, не притворяясь, не играя никакой роли и не выбирая слов.

— Ну-с, так,— озабоченно сказал лейтенант Павлов, когда Пётр Васильевич кончил свой рассказ.— Картина более или менее ясна.

Он посмотрел на часы-браслет и поморщился:

— Без четверти четыре. Вы меня извините, Пётр Васильевич, мы ведь, в сущности, с вами так мало знакомы. Мне хотелось бы, так сказать, выяснить...

Он замолк, выбирая выражение.

— Хотелось бы выяснить наши отношения. Вы меня понимаете?

Этого можно было не спрашивать. Конечно, Пётр Васильевич понимал. Он наклонил голову.

— Вполне,— сказал он.

— Стало быть, уточним обстоятельства,— мягко сказал лейтенант, не торопясь и как бы продолжая выбирать выражения.— Простите, вы член партии?

— Нет, я беспартийный,— сказал Пётр Васильевич, почему-то слегка краснея.— Но, я думаю, это не имеет никакого значения?

— Конечно, конечно. Я просто уточняю. Мы сейчас все большевики — партийные или непартийные. Не так ли? Сколько я вас понял, вы офицер Красной Армии?

— Да. Командир батареи. Мне полагалась броня, но я...

— Это понятно.

Лейтенант Павлов замолчал и молчал довольно долго, видимо что-то обдумывая.

— Пётр Васильевич,— наконец сказал он,— нас столкнула судьба... Вы сами видите, при каких обстоятельствах. Надеюсь, для вас ясно, что я выполняю определённое боевое задание. Вам не надо объяснять, какое. Это задание партии и правительства. Государственное задание.

Пётр Васильевич кивнул.

— Понимаю.

— Так вот. Не сочтите это за излишнюю прямолинейность, но мне надо знать, каковы ваши намерения? Учтите, что я задаю вам этот вопрос не только от себя, но также от имени государства.

Пётр Васильевич сделал движение, но лейтенант Павлов остановил его, дотронувшись рукой до его плеча.

— Не надо торопиться. У нас есть ещё минут семь времени. Обдумайте и тогда скажите.

— Нахожусь в полном вашем распоряжении,— быстро сказал Пётр Васильевич.

— Я так и думал.

Лейтенант Павлов протянул руку, и они обменялись быстрым, крепким рукопожатием.

— Сейчас у нас нет времени для более подробной беседы,— сказал Павлов.— В данную минуту перед нами — передо мной и перед вами — стоит одна задача: благополучно уйти из парка. Куда? Положитесь в этом на меня. Я доставлю вас в сравнительно безопасное место. Каким образом? Очень простым. Я поведу вас, как арестованного. Вы — впереди с вещами, со своей торбой, а я — сзади с пистолетом. Нам с вами это очень подойдёт. Вы себе это уясняете?

— А что ж!..— усмехнулся Пётр Васильевич, с наслаждением подчиняясь лейтенанту Павлову, его лёгкому и вместе с тем твёрдому, дружескому тону.

— Мы ещё здесь с вами задержимся минуточек на пяток, а уж потом двинемся.

Лейтенант Павлов посмотрел на часы.

— Имеется ещё шесть минут.

Пётр Васильевич не счёл себя вправе расспрашивать. Лейтенант Павлов понял его деликатность и поблагодарил молчаливой улыбкой, в которой Пётр Васильевич прочёл обещание в скором времени всё ему объяснить.

— Вы по каким улицам сюда добирались?— как бы вскользь заметил Павлов.— По Маразлиевской, случайно, не проходили?

— Маразлиевская оцеплена.

— Ах, вот как! — оживился лейтенант Павлов.— Это очень любопытно!

Он даже потёр руки, как будто известие о том, что Маразлиевская оцеплена, доставило ему величайшее удовольствие.

— Повидимому, туда въезжает какое-то крупное румынское и немецкое начальство,— сказал Пётр Васильевич.— Во всяком случае, я заметил усиленное движение.

— Вы заметили усиленное движение? Легковое или грузовое? — быстро спросил лейтенант Павлов.

— И то и другое.

— Ага. Это очень хорошо. Даже просто замечательно! Вам не пришло в голову, что они въезжают в наш дом?

— Вы имеете в виду дом Госбезопасности?

— Точно. Превосходный дом. Вы, наверное, обращали на него внимание. Шесть этажей.

— Они, наверное, собираются разместить в нём сигуранцу и гестапо.

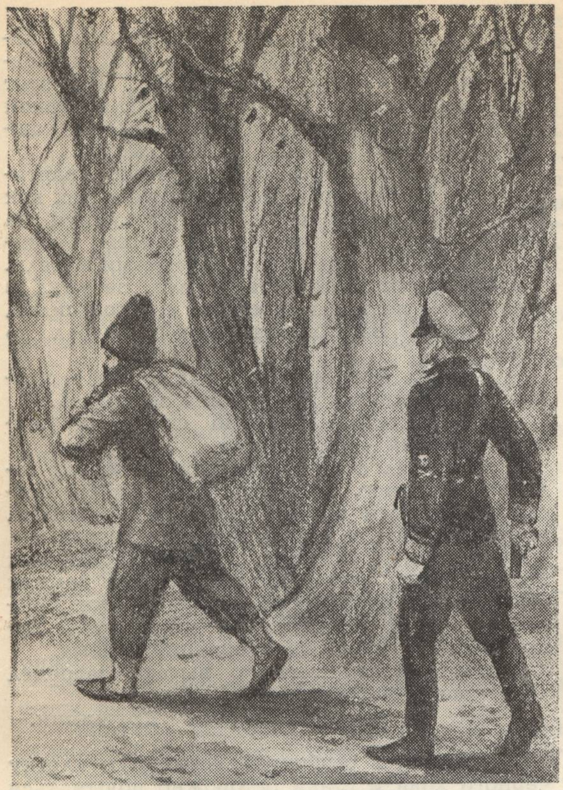
— Вполне возможно. Даже более, чем возможно. Наверное, так, — сказал лейтенант Павлов, с наслаждением нажимая на слово «наверное».

Он снова взглянул на часы, и лицо его вдруг стало неподвижно-решительным.

— Одну минуточку,— сказал он.— Будьте готовы. Сейчас мы выйдем. Не забудьте порядок: впереди вы с вещами, позади я с пистолетом. И точно исполнять все мои приказания.

— Слушаюсь, товарищ Павлов.

— Да, ещё один момент. Забудьте, что я Павлов. Лейтенанта Павлова нет. Есть некто

Пётр Васильевич быстро шёл с торбой за спиной.

Дружинин. Начальник подпольной организации Дружинин. Вы запомните эту фамилию?

— Запомню. Дружинин.

— Простая, энергичная русская фамилия — Дружинин. Дружина товарища Дружинина. «С дружиной своей в цареградской броне...»

— Дружинин, — повторил Пётр Васильевич.

— Стало быть, договорились. Что бы ни случилось — Дружинин. Но не беспокойтесь, ничего не случится.

С этими словами «Дружинин» отошёл в угол, стал на колени и посветил себе фонариком.

Петру Васильевичу показалось, что в углу на земле, под нарами, стоит какая-то небольшая машинка, похожая на аккумулятор. Но он не успел как следует рассмотреть эту машинку, так как Дружинин заслонил её спиной, что-то сделал руками, и почти в тот же миг наверху, за Парком культуры и отдыха имени Шевченко, на Маразлиевской раздался взрыв такой потрясающей силы, что под ногами сдвинулась земля, бомбоубежище закачалось, как каюта, часть прикрытия разошлась, посыпались земля и листья, железное, громыхающее эхо широкими раскатами пошло гулять над городом и несколько воздушных волн одна за другой нажали на барабанную перепонку.

Пётр Васильевич ещё не успел придти в себя и поставить в связь движение Дружинина в углу блиндажа с тем, что произошло снаружи, за Парком культуры и отдыха, как услыхал за собой решительный, торжествующий, повелительный голос:

— А теперь можно выходить. Поскорее. Вперёд. Я за вами!

Пётр Васильевич быстро шёл с торбой за спиной, не оглядываясь и повинуясь голосу Дружинина, который время от времени отрывисто командовал:

— Направо. Налево. Прямо.

Или по-немецки:

— Рехтс. Линкс. Градеаус.

Или, если позволяли обстоятельства, дружески, явно подбадривая Петра Васильевича:

— Больше жизни! Вперёд! Ещё одно маленькое усилие — и мы дома.

Пётр Васильевич не имел права оглядываться.

Всё-таки несколько раз он не удержался и оглянулся. В двух метрах от него быстро шёл эсэсовец в чёрной фуражке с черепом, с пистолетом «вальтер» в руке, с синими знакомыми и незнакомыми глазами под большим лакированным козырьком.

И всякий раз это казалось Петру Васильевичу так невероятно, что он сбивался с шага и начинал спотыкаться.

Тогда за спиной опять слышался отрывистый голос Дружинина:

— Не оборачивайтесь. Я здесь. Всё в порядке.

Один раз Дружинин сказал даже игриво: «в порядочке».

Они беспрепятственно прошли через весь парк. Хотя в парке им встретилось несколько патрулей, но, разумеется, ни один их не остановил. Как мог простой комендантский патруль остановить эсэсовского офицера с пистолетом в руке, который быстро вёл арестованного мужика?

Повидимому, в этом именно и заключался простой и верный расчёт Дружинина: эсэсовский офицер ведёт переодетого большевика. Кому же могло придти в голову, — особенно теперь, в момент общей паники, когда в городе произошёл этот чудовищный взрыв, — что один переодетый ведёт другого переодетого, и оба они — большевики?

Они вышли из Парка культуры и отдыха имени Шевченко и пересекли Маразлиевскую улицу. Она была попрежнему оцеплена, но теперь там творилось нечто невообразимое.

Конечно, Дружинин мог бы вести Петра Васильевича каким-нибудь другим, менее опасным путём, минуя Маразлиевскую. Но, как видно, ему нужно было пройти именно через Маразлиевскую. Казалось, какая-то неудержимая, озорная сила несёт его сквозь все препятствия напролом.

Зверски сжав зубы, он грубо отстранил локтем румынского часового, довольно сильно толкнул Петра Васильевича пистолетом в спину, крикнул, свирепо раскатываясь на букве «р»: «Гр-р-радеаус!» — и они быстро, почти бегом пересекли Маразлиевскую, по которой с воем неслись санитарные автомобили.

Пётр Васильевич успел заметить, что над тем местом, где только что возвышался громадный дом Госбезопасности, теперь в пустом небе стояло или, вернее сказать, как-то тяжело и душно висело бело-розовое облако битого кирпича и штукатурки, сквозь которое

виднелись безобразные развалины взорванного здания. Из пирамиды строительного мусора торчали скрученные железные балки, решётки, трубы и батареи водяного отопления.

Вокруг взорванного дома, среди обломков легковых и грузовых машин, неподвижно стояли оцепеневшие люди в шинелях и фуражках, покрытых белой известковой пылью. И вой санитарных автомобилей казался воем, шедшим из-под развалин.

Пётр Васильевич украдкой обернулся и посмотрел на Дружинина. Он увидел неистово синие глаза, полные такого торжества и такой ярости, что на один миг ему даже стало жутко. В эту же секунду Дружинин сделал неуловимое движение головой в сторону взорванного дома, подмигнул Петру Васильевичу и сказал сквозь зубы:

— Зер гут! А?

И Пётр Васильевич вдруг со всей ясностью понял связь между той машинкой, к которой наклонился Дружинин в блиндаже, и этими воющими развалинами.

Дом Госбезопасности взорвал Дружинин, и Пётр Васильевич присутствовал при этом.

Они быстро переходили из улицы в улицу — впереди Пётр Васильевич с торбой на спине, позади Дружинин с пистолетом, и Пётр Васильевич уже не чувствовал страха. Он даже не чувствовал беспокойства.

Им овладела непоколебимая уверенность, что всё обойдётся благополучно.

В ШТАБ-КВАРТИРЕ ДРУЖИНИНА

После нескольких поворотов направо и налево они очутились в тёмном переулке, где, судя по особой безжизненной тишине, большинство домов было разбито, стояли только их пустые коробки.

— Рехтс! — в последний раз скомандовал Дружинин, и, круто повернув направо, Пётр Васильевич вошёл в тёмный пролом стены, с которым как раз в этот миг поровнялся.

Следом, так же быстро, в пролом вошёл Дружинин.

За ними никто, конечно, не следил. Но если бы даже кто-нибудь и следил, он бы их потерял из поля зрения моментально. Только что они шли по тротуару — и вот их уже нет. Они исчезли, растворились впотьмах.

Пётр Васильевич сделал несколько шагов, натыкаясь на камни, и остановился. Дружинин тотчас подхватил его под руку.

— Осторожно, — прошептал он. — Не трахнитесь головой. Здесь висит железная балка. Подождите. Держитесь за меня.

Теперь они поменялись местами. Дружинин пошёл вперёд, а Пётр Васильевич двинулся за ним, держась рукой за его плечо.

Пётр Васильевич с облегчением почувствовал, что маскарад кончился. Дружинин уже больше не был эсэсовцем, а Пётр Васильевич — арестованным крестьянином. Теперь они оба были теми, кем они были в действительности. И это доставляло громадное удовольствие.

— Ух, запарился,— сказал Дружинин, снимая свою тяжёлую эсэсовскую фуражку и вытирая со лба пот.

Петру Васильевичу даже показалось, что он чувствует рукой жар его горячего плеча. Он и сам обливался пóтом.

Только теперь они оба почувствовали, какого чудовищного напряжения всех душевных и физических сил стоил им этот безумно-смелый и на первый взгляд такой простой, лёгкий марш по городу, где на каждом шагу их сторожила верная смерть.

Они прошли через разрушенную квартиру — это, несомненно, была квартира, так как Пётр Васильевич один раз наткнулся на ванну, стоящую торчком,— а затем очутились во дворе, заваленном обломками мебели.

Здесь Дружинин остановился, засунул в рот четыре пальца и свистнул с такой силой, что Петра Васильевича мороз подрал по коже.

— Что вы делаете? Вы с ума сошли! — прошептал он, хватая Дружинина за локоть.

— Не бойтесь,— спокойно сказал Дружинин.— Пускай «они» боятся.

И он сделал своё неуловимое движение головой — озорное, мальчишеское, как бы бросая вызов всем врагам, всем тёмным силам, притаившимся во мраке мёртвого города.

Он свистнул ещё раз, и Пётр Васильевич понял, какой ужас, какую тревогу должен был вселять румынским патрулям этот леденящий душу, разбойничий свист среди непроходимых развалин взорванного дома.

В ответ на свист где-то высоко загремел лист кровельного железа.

— Всё в порядке,— сказал Дружинин.— Путь открыт.

Они вошли в разбитую лестничную клетку чёрного хода и стали осторожно подыматься по железной лестнице, которая со скрипом качалась под их ногами.

На некоторых пролётах были сорваны перила. Тогда они шли, прижимаясь к остаткам стены, и чувствовали, как шатаются камни. На высоте третьего этажа отсутствовало пять или шесть ступеней. Дружинин схватился за какую-то, очевидно хорошо ему знакомую, железную скобку, влез на площадку и втащил за собой Петра Васильевича.

Так они добрались до четвёртого этажа или, вернее, до того места, где когда-то был четвёртый этаж. Теперь четвёртого этажа не было, и на его месте гулял чёрный ветер. От всего четвёртого этажа остались лишь одна маленькая площадка и кусок чердачной лестницы, повисшей над пропастью двора.

Они немного передохнули, и потом Дружинин стал подниматься по чердачной лестнице, крепко держа в отведённой назад руке руку Петра Васильевича.

Лестница привела их на чердак, каким-то чудом висевший над отсутствующим четвёртым этажом. Он косо держался на нескольких двутавровых балках, вделанных в уцелевшую стену фасада. Вероятно, снизу этот кусок чердака с куском уцелевшей крыши с антенной и даже с одним слуховым окном казался каким-то феноменом, странной прихотью взрывной волны. И уж, конечно, никому не могло придти в голову, что в этом покосившемся куске чердака кто-нибудь живёт.

Между тем именно здесь и была штаб-квартира Дружинина.

— Итак — мы дома,— сказал Дружинин, когда они пролезли в чердачную дверь, и Пётр

Васильевич почувствовал под ногами хотя и земляной, хотя и очень наклонный, но всё же довольно твёрдый, устойчивый пол, а над головой железную крышу.

— Миша, ты здесь? — спросил Дружинин.

— Здесь,— ответил из темноты такой простой, такой домашний, даже несколько сонный голос, будто это всё происходило не на обломке чердака между небом и землёй, в глубоком тылу у беспощадно-кровавого врага, а где-нибудь вечерком в мирном советском городке, в уютной студенческой комнатушке.

— Ну, как тебе понравилось? — с плохо скрытым торжеством спросил Дружинин.

— Я думал, что наш чердак обвалится ко всем чертям,— сказал Миша из темноты.

— Неужели так сильно рвануло?

— И не спрашивай. Жуткое дело. На два километра стёкла посыпались.

— Ты сразу понял?

— Ага.

— Я так и думал, что ты сразу поймёшь.

— Дурак — и тот поймёт. Кто это с вами?

— Так, один тёмный молдаванский мужичок-единоличник,— сказал Дружинин весело.— Садитесь, Пётр Васильевич.

— Спасибо. А куда садиться? Я ничего не вижу.

— Ты бы засветил, Миша. А то сидишь в темноте, как крот.

— Можно,— покладисто сказал невидимый Миша.— Я свечку экономлю. Подождите. Сейчас проверю светомаскировку и тогда зажгу.

Через некоторое время щёлкнула зажигалка и зажглась свеча.

Пётр Васильевич увидел себя в маленькой каморке, со всех сторон завешанной плащ-палатками, одеялами, шинелями. На косом чердачном полу лежали какой-то старый войлок, видимо сорванный с дверей, и заднее сиденье легкового автомобиля с вылезшими пружинами. На стропилах висели большая фляжка, обшитая сукном, и маузер в деревянном ящике. Под ними на полу стояли фанерный баул, завязанный верёвкой, и чемоданчик из числа тех старепьких, потёртых фибровых чемоданчиков, с которыми молодые люди обычно приезжают из провинции в Москву поступать в вуз. Жёлтая самодельная румынская свеча, укреплённая внутри пустой жестянки из-под мясных солдатских консервов, стояла на полу, а так как пол был наклонный, то для того, чтобы свеча не оплывала в одну сторону, под жестянку была подложена спичечная коробочка с зелёно-красной румынской этикеткой.

Миша оказался маленьким складным солдатиком в чёрной стёганке, в башмаках и обмотках, рыжий, с жёлтыми ресницами, от которых не только его круглое лицо выглядело особенно свежим и розовым, но даже глаза казались розоватыми.

Зажегши свечу, Миша сел на войлок рядом с баулом и чемоданом и скрестил ноги по-турецки. Повидимому, это было его любимое местечко и любимая поза.

Он не проявил к Петру Васильевичу никакого особенного интереса: вскользь оглядел его, бегло улыбнулся румяными губами — и только. Но Пётр Васильевич понял, что знакомство состоялось. Он лёг на войлок и, с на-

Так они добрались до четвёртого этажа.

слажденьем вытянул ноги. Ноги ныли, горели, гудели. Пётр Васильевич положил под голову свою мягкую молдаванскую шапку, и всё необыкновенно приятно спуталось перед его глазами. Как сквозь воду, он услышал булькающий голос Дружинина, который сказал: «Вы лучше снимите эти ваши молдаванские чоботы»,— и тут же заснул, как убитый. Проспал он недолго, минут двадцать, а проснувшись, попросил пить; но пить ему не дали, сказав, что мало воды и что сейчас будет чай.

Дружинин без сапог, в расстёгнутом чёрном эсэсовском френче, под которым так симпатично голубела советская майка, лежал на автомобильном сиденье и, положив на поднятые колени блокнот, делал карандашом какие-то заметки.

Миша принёс из угла чайник, поставил его на два кирпича и зажёг под чайником таблетку сухого трофейного спирта. Когда чай поспел, он достал полбуханки пшеничного хлеба, палку сухой московской колбасы и пакетик сахару. Он аккуратно отрезал три не слишком толстых ломтя хлеба, три кружочка колбасы и вынул три куска сахару.

— Нынче у нас не слишком густо,— сказал он, строго посмотрев на Петра Васильевича.— Тяжело снабжаться.

Он отделил каждому его порцию на особую бумажку, скупо заварил чай и пригласил ужинать.

— Товарищ Дружинин, подкрепитесь. И вы, пожалуйста,— обратился он к Петру Васильевичу,— не знаю, как вас величать.

— В самом деле, как же мы вас будем величать? — спросил Дружинин и тут же сказал тоном, не допускающим возражения: — Мы вас будем величать «мужичок». Совсем не похоже, зато легко запоминается. Стало быть — мужичок. «Что ты спишь, мужичок, уж весна на дворе...» Верно?

Петру Васильевичу не особенно понравился этот псевдоним: слишком прозаический и даже как бы немного насмешливый. Известный московский юрист, интеллигент и вдруг какой-то «мужичок». Но в общем это было не важно.

— Пускай будет мужичок,— бесшабашно махнул рукой Пётр Васильевич, чувствуя ту свободную, немного легкомысленную радость подчинения обстоятельствам, которая всегда появлялась у него в наиболее трудные, критические моменты жизни и всегда очень помогала ему жить.

Так Пётр Васильевич Бачей получил подпольную кличку «мужичок».

В ШТАБ-КВАРТИРЕ ДРУЖИНИНА (продолжение)

Они закусывали и пили чай из самодельных кружек, стараясь пить как можно медленнее, чтобы растянуть удовольствие. Воды на чердаке оставалось совсем мало, и достать её можно было не раньше следующего дня.

Ужиная, Дружинин продолжал что-то записывать в блокноте.

— Между прочим,— заметил он Петру Васильевичу, не отрываясь от своих записей,— вы говорили насчёт их тяжёлой батареи в районе арок бывшего Александровского парка, да я тогда как-то прослушал. Так в чём там дело? Какая батарея?

Действительно, сидя в бомбоубежище и рассказывая Дружинину свои приключения, Пётр Васильевич упомянул вскользь и о батарее, на которую он наскочил, блуждая по Парку культуры и отдыха имени Шевченко. Ему тогда показалось, что Дружинин пропустил это мимо ушей. Но, оказывается, Дружинин всё помнил, всё замечал.

— Сколько вы там насчитали орудий?

— Четыре.

— Калибр?

— По-моему, стосорокапятимиллиметровые.

— Дальнобойные?

— Да. Дальнобойные.

— Они их уже установили?

— Они их устанавливали: рыли огневую позицию.

— Фронтом куда? В море?

— Фронтом в море.

— А может быть, не в море?

Пётр Васильевич задумался.

— Нет, по-моему, фронтом в море.

Дружинин поморщился и резко сказал:

— По-вашему... Нам важно установить не как «по-вашему», а как на самом деле.

Дружинин вдруг спохватился, что сделал слишком резкое замечание немолодому, хорошему и в сущности мало знакомому ему человеку. Он густо покраснел и сказал:

— Пожалуйста, извините. Я слишком увлёкся работой. Кроме того, я уже три ночи не спал. А эта дальнобойная батарея, которую вы обнаружили, очень показательный факт. Если они её устанавливают, как береговую, то, значит, они боятся десанта, и это необходимо отметить.

— Они её устанавливают фронтом в море,— твёрдо сказал Пётр Васильевич.

— Спасибо.

Дружинин быстро записал в блокнот несколько слов.

— И ещё,— сказал он торопливо,— когда вы добирались из Будак в Одессу, вы ехали по какому маршруту?

— На Аккерман.

— А из Аккермана?

— Из Аккермана через Днестровский лиман.

— На Беляевку или на Овидиополь?

— На Овидиополь.

— Как вы переправлялись? На пароме?

— Зачем на пароме? Там они навели превосходный понтонный мост. Мужиков, которые везут продукты на одесский рынок, они пропускают вместе с войсками через понтонный мост.

— Это замечательно, это просто замечательно,— забормотал Дружинин, потирая руки.— Одним ударом двух зайцев. Два очень ценных факта. Во-первых, повидимому, крестьяне неохотно везут продукты на рынок, а во-вторых, — новый понтонный мост между Аккерманом и Овидиополем.

Дружинин достал трёхвёрстку, засунутую под автомобильное сиденье, и углубился в её изучение. Изучая карту, складывая её и раскладывая, он машинально упирался карандашом в переносицу. Карандаш был химический, и скоро на переносице Дружинина образовался лиловый след. Иногда Дружинин сверялся с записями в блокноте. Иногда он подымал глаза вверх, как бы что-то припоминая, и беззвучно шевелил обветренными губами.

Он работал.

Но смысла и значения этой работы Пётр Васильевич никак не мог понять.

— Миша,— сказал Дружинин, не отрываясь от блокнота, — нам ещё не время выходить в эфир? На моих — девятнадцать пятьдесят три.

— Нет, — сказал Миша, зевая. — Ваши на три минуты вперёд. У меня ровно девятнадцать пятьдесят. По институту имени Штернберга. Точно.

— Ты всё-таки пошарь. Может быть, что-нибудь новенькое.

— Вряд ли. Я сегодня, пока вы производили эту операцию, всю Европу обшарил. Только и слышно по всем их станциям «Москау», «Москау». Все время марши передают. Одна голая пропаганда.

— Ты всё-таки пошарь.

— Пошарю.

Миша покорно открыл фибровый чемоданчик, вынул из него передаточный ключ, надел наушники и стал крутить винты настройки.

В этом потёртом, стареньком фибровом чемоданчике помещалась диверсионная рация.

— Сейчас Бухарест поищу. Вот он — Бухарест.

— А ну-ка, давай, что там мамалыжники сообщают.

— Тише! — сказал Миша, поднимая руку.— На русском языке.

Он взялся руками за наушники, чтобы лучше слышать, низко наклонил голову и долго молчал, сосредоточенно помаргивая своими жёлтыми ресницами. Иногда по его румяным губам скользила самодовольная улыбка, и время от времени он многозначительно подымал вверх указательный палец, как бы желая сказать: «Тише, тише, внимание!» Видно было, что он сдерживается, чтобы не захохотать. Он даже покраснел от напряжения. Наконец, он снял с головы наушники и посмотрел на Дружинина влажно сияющими розовыми глазами.

— Что там произошло? — спросил Дружинин.

— Рвут и мечут,— сказал Миша.

— По поводу чего?

— По поводу дома Госбезопасности.

— Ага, до них дошло! Подробности сообщают?

— Подробностей не сообщают. Сообщают глухо — террористический акт, совершённый подпольной организацией Дружинина. За вашу голову, товарищ Дружинин, дают десять тысяч рейхсмарок. Это сколько выходит, если перевести на советские деньги?

— Если перевести на советские деньги, это выходит шиш с маслом,— хмуро сказал Дружинин.

Но Пётр Васильевич видел, что он хмурится притворно. Так же, как и Миша, Дружинин делал усилие, чтобы не смеяться. С напускным равнодушием он хрустел пальцами, но в глазах его горело такое злорадное веселье, такое неистовое ликование, что никто обмануться не мог.

— Н-да-с,— невольно поддаваясь настроению Дружинина, сказал Пётр Васильевич.— В хорошенькую компанию я попал. Нечего сказать. Но, однако, как же они узнали, что это... что эту... — он замялся, подыскивая подходящее выражение. — ...Что эту, так сказать, оказию произвели именно вы.

— А уж это не беспокойтесь. Наши ребята сразу раззвонили по всему городу.

— Но это, наверное, не слишком хорошо.

— Наоборот. Замечательно. Пусть у них поперёк горла станет этот загадочный Дружинин со своей неуловимой подпольной организацией. Пусть гады не спят по ночам и думают о Дружинине. Пусть чувствуют, что есть ещё бог. Теперь им в каждом тёмном углу мерещится Дружинин. Недавно в районе Усатовых хуторов кто-то напал на румынский военный грузовик и побил румынских солдат. Так вы думаете, кто это сделал? Дружинин! А я эти Усатовы хутора никогда и в глаза не видел. Ничего, мы этих мерзавцев доведём до кровавого пота,— сказал он, стискивая зубы и громко хрустя переплетёнными пальцами.— Будут они у нас знать, как топтать священную советскую землю.

Он просто и ясно посмотрел на Петра Васильевича своими синими серьёзными глазами, но Петру Васильевичу показалось, что его взгляд устремлён куда-то очень далеко вперёд и что он видит там что-то очень грозное и вместе с тем очень торжественное.

— Миша, мы не опаздываем? — вдруг сказал Дружинин озабоченно.

— Ещё две минуты.

— Пора. Выходи в эфир.

Миша быстро надел наушники и, низко наклонясь к фибровому чемоданчику, застучал ключом, дробно выбивая точки и тире азбуки Морзе.

БОМБАРДИРОВЩИКИ ИДУТ НА ЦЕЛЬ

— Сейчас поработаем,— сказал Дружинин, блестя глазами.

Он взял блокнот, карту и подсел к Мише. Теперь они оба сидели по-турецки, наклонясь над фибровым чемоданчиком. Миша продолжал стучать ключом, а Дружинин нетерпеливо посматривал то на карту и блокнот, то на мишино лицо.

Миша стучал довольно долго, часто делая небольшие паузы. Он всё время повторял одну и ту же короткую фразу по азбуке Морзе — свои позывные. Он повторял её чётко, настойчиво, неутомимо.

Петру Васильевичу очень хотелось спать, но эта монотонная фраза, состоящая из точек и тире, которая так вкрадчиво и так таинственно звучала в полной тишине чердака, не давала ему заснуть. Она всё время держала его в состоянии какого-то необъяснимого ожидания.

Вдруг Миша перестал стучать. Наступила полная тишина. Но чувство ожидания не прекратилось. Наоборот. Оно усилилось. Теперь к нему прибавилось такое же необъяснимое беспокойство.

Мишина рука проворно бегала по червякам настройки, и всё его круглое, бесхитростное, простецкое лицо было теперь строго сосредоточено, неподвижно, как маска. Он казался слепым, немым. Казалось, в нём парализованы все внешние чувства, кроме чувства слуха. Но зато это чувство слуха было с потрясающей силой выражено во всех чертах его неподвижного, побледневшего лица с плотно сжатыми губами.

Если человеческое лицо может быть полным воплощением любви, ненависти, гордости, отчаяния, презрения, равнодушия, то его лицо было полным, совершенным воплощением слухового внимания.

Казалось, ни один самый ничтожный, самый микроскопический звук из тысячи звуков, которые носились в эту минуту и с разной силой звучали в эфире, не мог миновать его уха.

Дружинин всматривался в лицо Миши и боялся передохнуть, чтобы не нарушить тишины.

— Ну что? — казалось, говорили его глаза, требовательно остановившиеся на мишином лице.

И вдруг лицо Миши ожило, порозовело.

— Есть! — сказал Миша.— Они нас слушают, товарищ Дружинин. Давайте скорей.

Миша быстро поставил рычажок на «передачу», и в ту же секунду Дружинин начал

очень медленно, раздельно и ясно диктовать следующее:

— Одесса. Двадцать часов по московскому времени. Докладывает Дружинин. В город продолжает въезжать немецкая администрация румынская точка. Вчера приехал известный Пынтя будет жить особняке Пироговская угол Французского бульвара точка. Аресты населения продолжаются началось массовое истребление евреев точка. Отмечаются случаи столкновения между румынскими немецкими солдатами точка. Цены рынке высокие крестьяне неохотно везут город продукты точка. Районе арок Александровского парка установлена четырёхорудийная стосорокапятимиллиметровая батарея берегового назначения точка. Вашей карте лист девятнадцать квадрат семь четырнадцать между Аккерманом Овидиополем имеется новый понтонный мост постоянное движение воинских частей обозов важная коммуникация Бессарабией точка.

Дружинин отчеканивал каждое слово и между словами делал большие паузы. А Миша с вдохновенным лицом, лишь изредка бросая взгляд в какую-то табличку, прислонённую к откинутой крышке фибрового чемоданчика, стучал подушечкой большого пальца по ключу, и точки и тире азбуки Морзе со щегольской точностью и дробной быстротой так и сыпались из-под его напряжённой руки.

Впоследствии Пётр Васильевич узнал, что Миша был выдающимся диверсионным радистом. В своей области он был гением, феноменом. Он знал наизусть код и умел шифровать на слух, не прибегая к предварительной записи.

— Наблюдается активизация частной торговли,— продолжал медленно отчеканивать Дружинин. — Появились многочисленные ларьки палатки торгуют бывшие вылезшие из щелей точка. Дерибасовской несколько комиссионных магазинов производят жалкое впечатление точка. Наплыв коммерсантов Кишинёва Бухареста появились валютчики спекулянты действует чёрный рынок котируются фунты доллары видимо румынская буржуазия ориентируется не на немцев больше англичан американцев точка. Сегодня шестнадцать ноль ноль выполняя вашу директиву взорвал дом Госбезопасности момент въезда гестапо сигуранцы посетил место происшествия лично убедился результатах сильный бенц городе наблюдается растерянность бухарестское радио рвёт мечет голову Дружинина объявлено десять тысяч рейхсмарок точка. Нахожусь там же завтра выйду эфир обычно двадцать московскому времени той же волне пока всё спокойной ночи точка.

Дождавшись, когда Миша выстукал последние точки и тире, Дружинин собрал свои листки, скрутил их и тщательно сжёг на свечке.

Тем временем Миша перешёл на приём и теперь, одной рукой прижимая наушники к голове, он другой рукой быстро записывал на бумажку какие-то четырёхзначные цифры.

Наконец, он с видимым удовольствием закрыл чемоданчик и подал Дружинину листок шифровки.

Дружинин углубился в четырёхзначные цифры и минуты через две прочитал вслух, как бы по складам:

— «Спасибо. Слышимость прекрасная. Поздравляем успешным выполнением задания. Можем вас обрадовать, по нашим сведениям вы уничтожили сто сорок семь человек врагов из числа высших чинов гестапо и сигуранцы, не считая раненых. Ждите ближайшие часы усиления полицейского нажима и ответных действий вражеской контрразведки. Будьте осторожны. Чаще меняйте местопребывание. Ставим на вид отсутствие сведений о состоянии вашей агентурной сети. Сколько человек имеете на сегодняшнее число, сколько явок, давайте адреса, пароли. Обращаем внимание на отсутствие связи с другими диверсионными группами. В недалёком будущем ожидается перелом военной обстановки под Москвой в нашу пользу. Учтите и не пропустите выгодной ситуации. Поднимайте дух населения города. В основном вашей работой удовлетворены. Привет. Спокойной ночи».

— Поздравляю вас, мужичок,— не меняя тона сказал Дружинин, протягивая Петру Васильевичу руку.

— С чем?

— С тем, что нашей работой в основном удовлетворены.

Пётр Васильевич засмеялся.

— Ну, уж к себе это я никак не отношу.

— Нет, отчего же! — с живостью воскликнул Дружинин.— Не скажите. Ваша дальнобойная батарея берегового действия и понтонный мост Аккерман — Овидиополь — это вещь!

— Вы преувеличиваете, — пробормотал Пётр Васильевич, крайне польщённый.

Но Дружинин упрямо настаивал на своём:

— Вот увидите, во что превратят в самое ближайшее время наши сталинские соколы вашу батарею и ваш понтонный мост. В этом можете не сомневаться.

В новом романе Валентина Катаева «За власть Советов» вы встречаетесь со старыми друзьями, с героями любимой всеми вами книги «Белеет парус одинокий»,— с Петей Бачей, Гавриком Черноиваненко, его племянницей Мотей. Только теперь все они уже взрослые. Действие романа происходит во время Отечественной войны, и герои его защищают Родину.

Летом 1941 года Пётр Васильевич Бачей вместе со своим сыном, тоже Петей, приехал в Одессу, в город своего детства. Здесь их застала война. Маленький Петя, которому не удалось уехать до того, как немцы захватили город, попал в партизанский отряд старого товарища своего отца, Гаврика, скрывавшийся в катакомбах. А Пётр Васильевич ушёл в армию и вместе со своей частью сражался под Одессой. Попав в окружение, Пётр Васильевич, переодетый в крестьянское платье, приходит в захваченную врагами Одессу, чтобы найти своих и продолжать борьбу. О том, как он попал в подпольный отряд Дружинина и как действовал этот отряд, вы прочитали здесь, на страницах журнала. Скоро роман Катаева выйдет в Детгизе, и вы сможете прочитать его целиком.

На опытной делянке стеной стоит пшеница. Ребята тщательно ухаживают и наблюдают за ней, чтобы осенью собрать богатый урожай.

Золотые всходы

«Быть членом Союза молодёжи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело».

Ленин.

Улицы Киева взбираются на гору, крутыми ручьями падают вниз к Крещатику, словно реки к морю, спускаются вдоль днепровского берега.

Там, на окраине, меж маленьких чистеньких домиков, зелёной стеной встал густой сад за красивой оградой. Весь день настежь раскрыты ворота с гостеприимной надписью: «Добро пожаловать!».

Надпись сделана для ребят, приезжающих летом в республиканский лагерь юных натуралистов. О нём речь впереди. Но и без лагеря здесь бывает немало народа. Здесь центральная детская агробиологическая станция Украины. Сюда ходят киевские школьники — юные зоологи и ботаники, юные мичуринцы-растениеводы, юные животноводы—заниматься своим любимым делом. Но, кроме этих постоянных посетителей в красных галстуках, на станции можно увидеть целые группы совсем взрослых юношей и девушек. Это студенты педагогических институтов Киева и других украинских городов, будущие преподаватели биологии.

А вон высокий худощавый человек с седой головой, вон пожилая женщина в тёмном платье и другая, помоложе, но всё-таки уже не похожая ни на школьницу, ни на студентку. Это «ходоки». Так называют на станции учителей, которые, урвав часть своего отпуска, приезжают сюда сами, без путёвок и командировок, из самых различных мест Советского Союза: из Вологды, из Владимира, из Новосибирска, с Северного Кавказа, с Урала...

Вполне естественно, что на станции много ребят: для того она и существует. Но почему, попав сюда впервые в том возрасте, когда на шее повязан совсем новенький пионерский галстук, школьники не хотят расставаться с ней ни на следующий год, ни через два года, ни через три? Они приходят прощаться, когда звонкий мальчишеский голос превратится в мягкий басок, когда выгоревшие на солнце косы уже не спускаются по спине, а сложены в первую девичью причёску, когда в кармане рядом с комсомольским билетом спрятан новенький, хрустящий голубой листок — первая путёвка в жизнь, аттестат зрелости.

Почему, жадно впитывая каждое слово педагогов, научных сотрудников станции, ходят из одной лаборатории в другую, от одного опытного участка к другому девушки и юноши, завтрашние учителя, и седые люди, уже полжизни отдавшие школе и детям?

Жизнь и работа, которые кипят во владениях станции, — лучший ответ на эти вопросы. Владения не маленькие: сорок четыре гектара. Обо всём, что там делается, не перескажешь. Попробуем же увидеть хоть часть этих больших дел.

Воспитание растений

Там, где кончаются пёстрые, как украинский ковёр, клумбы и цветники, вытянулась среди яблонь узенькая тропочка. Мимо метеостанции, пасеки и участка медоносных цветов приводит она в самое сердце владений юных мичуринцев.

...Катя Даниленко тщательно выпалывает бурьян на делянке, потом переходит к своим «подшефным». На кустах круглятся помидоры, поблескивая зелёными боками. Но что за диво? Листья у них совсем не похожи на вырезные листья помидоров. На одних кустах — широкие с ровным краем. Да, конечно, это синий баклажан. На других — листья, словно наконечники копий. Кажется, это кусты паслёна, но по плодам это томат...

Так оно и есть. Весной Катя привила черенки томатов на чёрный паслён и на синие баклажаны. Сорт томатов, привитых Катей,— «эрлиана» — штамбовый. Их прочные стебли не сгибаются под грузом плодов, поэтому листья и плоды меньше подвержены гнили, но в помидорах этих мало мякоти, они грубоваты и недостаточно вкусны.

Мелкие чёрные ягодки «дикаря» паслёна очень сладки. Плоды синего баклажана крупные и мясистые. Может быть, получая питание от чужих

По листьям — баклажан, по цветам и плодам — помидор. Так выглядят питомцы Кати Даниленко.

корней и листьев, помидор «эрлиана» улучшит свои качества? Станет сладким на паслёне, нежным и мясистым на баклажане? Для этого и сделана Катей прививка. Но черенок «эрлианы», прижившись, развивает свои собственные листья. Если не мешать ему, он будет только «квартирантом»: помещение чужое, а пища собственного приготовления. Ведь питательные вещества создаются в «зелёных лабораториях» — в листьях. Отсюда они идут на «склады» — в клубни, плоды. А помидорные листья дадут свой, привычный материал для построения плодов.

Нет, это не годится! Катя обрывает молодые листья томата с того дня, как на привитых томатных черенках завязались плоды. Всё питание к ним идёт или от листьев паслёна или от листьев баклажана. Воспитание в растении новых свойств с помощью прививок на другие родственные растения называется вегетативной гибридизацией. В прошлом году на станции ребята вырастили первые вегетативные гибриды помидоров «эрлиана» на паслёне. Они действительно оказались слаще и вкуснее тех, что созрели на контрольных кустах. В этом году на опытных грядках растёт новое поколение вегетативного гибрида помидор-паслён, посаженное семенами.

Сохранят ли его плоды качества, приобретённые от паслёна? Станут ли эти качества стойкими, передающимися по наследству? Юные мичуринцы убеждены, что так будет. Ведь великий преобразователь природы Иван Владимирович Мичурин учил, что можно перестраивать растения, меняя условия их жизни. Продолжатель мичуринского учения, академик Трофим Денисович Лысенко доказывает, что наследственность можно направлять в нужную сторону, воздействуя на растения различными способами: светом, теплом, холодом, особым питанием.

А разве собственный опыт юннатов станции не убеждает их в том же? В плодах «эрлианы» и другого сорта помидоров — «чудо рынка»,— привитых на махорку «днепровец», повысилось количество витамина «С». С каким нетерпением ожидали ребята в прошлом году, пока созреют плоды у второго, семенного, поколения этих гибридов! Но у гибридов, выращенных из семян, количество витамина «С» не уменьшилось, а увеличилось.

Если Катя Даниленко ждёт с нетерпением нового урожая томатно-паслённых гибридов, то Галя Клименко беспокоится о дынях. Она прививала дыню «колхозницу» на тыкву «мозолеевскую» и «неаполитанскую», а дыню «персидскую»—на тыкву «волжскую». У всех трёх галиных воспитанниц плоды оказались гораздо богаче сахаром, чем у контрольных дынь. «Колхозница», привитая на особенно сладкую «неаполитанскую» тыкву, увеличила сахаристость больше чем вдвое. А сейчас зреют плоды у тех же гибридов, но уже выращенных из семян. Как тут не волноваться Гале!

Шелкопряд меняет привычки

Большие яркозелёные гусеницы лениво ползают по букетам из дубовых веток. Это дубовый шелкопряд.

Родиной шелководства с самой глубокой древности был юг, потому что на юге растёт тутовое дерево, корм тутового шелкопряда. В Советской стране оказалось возможным сделать то, о чём никто не заботился до революции: расширить области шелководства. Из жаркой Туркмении, из Узбекистана и Закавказья переселили шелковичного червя на Украину, на Дон, на Кубань, где тоже растёт шелковица. Но дальше к северу шелковица не растет, а капризный тутовый шелкопряд не желает есть ничего другого. Так поставлены границы его продвижения на север.

Зато дуб встречается не только в средней полосе, но даже близ Ленинграда и Молотова. Дубовый шелкопряд вьёт нить, из которой ткут самый прочный шёлк, чесучу. Парашют, с которым прыгает лётчик, делают из обыкновенного шёлка. На парашюте же из чесучи можно спустить с самолёта тяжёлое орудие и даже танк.

А нельзя ли разводить дубового шелкопряда там, где уже и дуб не растёт или где его мало?

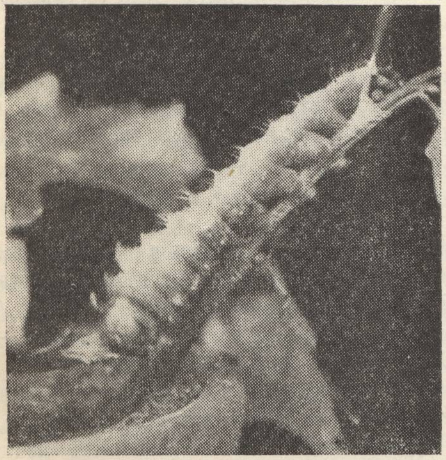
— Можно,— отвечают юные энтомологи.

Они попробовали приучать дубового шелкопряда к другой пище и вот что увидели: иву он не ест ни за что. Умирает с голода, но не ест. Листья гра-

ба ест, когда сильно проголодается, хотя и не очень охотно. А берёзу уплетает без всяких церемоний. Ребята заставили питаться берёзовым листом целое поколение дубового шелкопряда, с «младенческого возраста» и до завивки коконов. Гусеницы росли вполне нормально: в положенные сроки линяли, вили коконы, превращались в куколок. Во-время вывелись бабочки и отложили новую грену, а главное, коконы получились вполне хорошего качества и размера. Знаете ли, что это значит? А то, что шелководство возможно почти везде, потому что берёза растёт даже за Полярным кругом.

Но есть у дубового шелкопряда скверные привычки. Свивая свой кокон, он, конечно, нимало не беспокоится о том, легко или нет людям разматывать его. Он завивает в кокон черешок дубового листка, который потом мешает разматывать нить. Кроме того иные коконы не завиты до конца и похожи на кувшины.

Попробуй уговори гусеницу изменить свою «несовершенную технику»! Юные биологи станции решили обойтись без уговоров, поставив шелкопряда в такие условия, чтобы не было ни дубовых листьев, ни черешков. Когда шелкопряд пройдёт четыре линьки и, заканчивая свой пятый возраст, перестаёт есть, он готовится вить кокон. Тут надо не прозевать: отсадить его в бумажные кулёчки или в коробочки. Оказывается, он чудесно мирится с новой квартирой, вьёт кокон, прикрепляясь к стенкам. И кокон гораздо более крупный, всегда полностью закрытый. При этом гусеница отлично обходится без черешка. Конечно, ребята не сами додумались до этого. Агробиостанция держит связь с десятками научных учреждений. Крупнейшие учёные Украины, академики, профессора в дружбе с юннатами, приезжают к ним в гости на станцию, зовут их в свои институты и лаборатории, помогают им советами, дают задания.

Толстая зелёная гусеница дубового шелкопряда вскоре начнёт завивать кокон.

Жители парусинового городка

Об агробиостанции можно рассказывать без конца. Даже самого интересного хватило бы на целую книгу. Впрочем, там всё самое интересное. И отчаянные садоводы Михаила Зиновьевича Горулько, которые за два года развели большой виноградник, посадили десятки плодовых деревьев, устроили питомник новых фруктовых саженцев; и ботаники Анатолия Апполинариевича Пионтковского, которые «приручают дикарей», собирая в лесах и лугах по окрестностям Киева семена полезных дикорастущих растений, разводят и изучают их в миниатюрном «ботаническом» саду, устроенном своими руками. Много можно было бы рассказать о работах юных зоологов, о знаменитой свинке «Долинке», которую подарил им академик Гребень, когда они были в заповеднике «Аскания Нова», о том, как юннаты обещали учёному, что к году «Долинка» будет весить 130 килограммов и даст приплод в 1949 году. «Долинке» сейчас как раз год, весит она уже 160 килограммов и скоро принесёт поросят. Можно бы ещё рассказать... но нет, нет, надо спешить наверх, в гору, где среди берёзовых стволов, сверкающих на солнце, словно белые колонны, звучит горн и стройно льётся песня.

Дорожка круто подымается вверх, туда, где над ней изогнулась высокая арка. Это республиканский лагерь юных натуралистов.

Каждый год в этом лагере собираются ребята со всех концов Украины: с Закарпатья, с Полтавщины, с Полесья, из Днепропетровской области, с Запорожья, — словом, отовсюду. Здесь они не только отдыхают: они совершенствуются в искусстве делать прививки, ухаживать за растениями и животными, приготовлять насекомых для коллекций, определять растения и составлять из них гербарии, оборудовать живые уголки.

Домой ребята возвращаются с грузом трофеев, которые украсят биологический кабинет родной школы. Тут всё, что найдено в экскурсиях и походах: засушенное, наколотое на булавки, надписанное и размещённое под стеклом в коробках, сделанных своими руками. В лагерь ребята приехали обыкновенными юннатами, то есть не совсем, пожалуй, обыкновенными: лучшими, активными, иные даже прославленными в своих местах. А домой уезжают пионеринструкторами, организаторами юннатской работы в школе, на пришкольном участке, в колхозе... Кто же эти ребята?

«Успех»

Коля Вовк сейчас в десятом классе Перещепинской школы Днепропетровской области. Юннатом он стал давно, ещё в 5-м классе, с тех пор, как учитель на уроке ботаники рассказал о жизни и

трудах Мичурина. Коля тогда же организовал в школе звено высокого урожая. Но с осени позапрошлого года и самому звеньевому и его звену тесно стало на маленькой делянке. Скучно выхаживать шесть или десять квадратных метров посева, а потом, собрав свой миниатюрный урожай, умножать и высчитывать, сколько бы это получилось на гектар. Нет, Коля и его товарищи мечтали собирать настоящие центнеры с настоящих гектаров. А тут ещё ребята прочитали в газете о том, как повышает урожай кукурузы посев семенами от скрещивания двух разных сортов. Коля пошёл в правление колхоза «Путь Ленина» и выпросил для своего звена участок в три гектара.

С осени пропахали они свои три гектара, удобрили навозом под плуг. Валами из хвороста перегородили поле, а ветер намёл на них снег сугробами. Весной, как зажурчали по склонам ручьи, отводили на участок талые воды. С зимы собирали удобрения для подкормки.

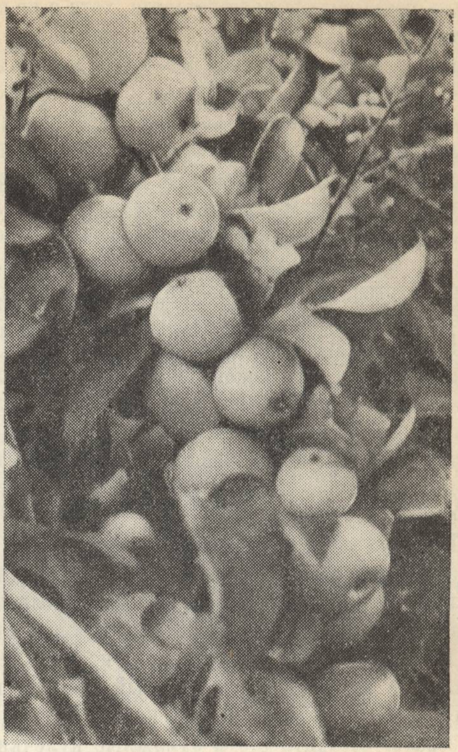
Но вот звено прослышало о своём земляке Марке Остаповиче Озерном, Герое Социалистического Труда, собравшем самый большой в мире урожай кукурузы: 208,6 центнера с гектара. В библиотеке и у агронома добыли они книги, статьи о Марке Озерном и стали изучать его опыт.

Пришло время сеять. Сеяли два сорта: «броун-конти» и «грушевский 308», — чередуя ряды. Два раза сделали подкормку растений, три раза — ручную прополку рядков, четыре раза — междурядную прополку. Как только на «броун-конти» появились боковые побеги — пасынки, тщательно оборвали их. Всё это делали шесть школьников в горячие весенние дни. И учились они прилежно: не годится же звену высокого урожая получать невысокие отметки на экзаменах, а тем более звеньевому, если на груди у него медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»! Он был пионером, когда получил её.

Самое трудное время настало, когда на «броун-конти» пошли метёлки. Их надо обрывать прежде, чем созреет пыльца, иначе не выйдет никаких гибридных семян. Девять суток дежурили ребята на участке, поочерёдно сменяя друг друга. А когда пошли метёлки на «грушевской» и ветер понёс пыльцу, звено не успокоилось: ребята провели добавочное искусственное опыление, чтобы не было пустых мест на початках. Осторожно наклоняя метёлки «грушевской», стряхивали пыльцу на каждый початок «броун-конти».

Осенью ребята собрали 261 центнер с участка, по 87 центнеров с гектара, на 21 центнер больше, чем обещали колхозу. Да не простой кукурузы, а драгоценного, урожайного гибрида «успех».

Часто Коля мечтал о встрече с Марком Озерным. И вот Герой приехал в Перещепино и пришёл к ним в школу. Это был простой старый крестьянин с седыми казацкими усами, с кожей, дублёной солнцем и ветром, в узорной украинской сорочке.

Ветки клонятся под грузом плодов. Юные садоводы хорошо потрудились.

Умные глаза из-под сивых бровей смотрели молодо и зорко.

С хорошей улыбкой слушал старый Озерный рассказы молодого звена. Он, простой колхозник, избранный в действительные члены Академии сельскохозяйственных наук СССР, серьёзно задавал им вопросы, а на прощанье сказал:

— Большое всегда начинается с малого.

Эта скупая похвала наполнила радостью сердца ребят. Кто знает, может, придёт время, когда «успех» даст у них на участке рекордный урожай!

Прочная нить

Люба Середнюк занимается дубовым шелкопрядом. Ох, как трудно воспитывать гусениц! Нужно держать ровную температуру. Если будет холодно, не выведутся, если чересчур жарко, — тоже. Люба унесла гусениц из школы домой. Хоть и тепло в классах, но по ночам печи остывают. Девочка поселила своих питомиц в комнате, где учит уроки, подтапливала ради них печку, а когда стало пригревать солнце, ловила на всех подоконниках его непоседливые лучи, переставляя драгоценную коробку с греной.

Юра Белкин уничтожает гнёзда моли на яблоне; у юных зоологов крепкая дружба с юными садоводами.

Букеты дубовых веток были первым жильём гусениц, а когда стало совсем тепло, Люба выпустила часть своего зелёного стада прямо на дуб. Но вот беда: нежные толстые гусеницы очень понравились воробьям, а тут ещё парочка «горобців» поселилась под крышей и птенцов вывела. Так мало же им, что сами, будто в столовую, отправлялись на любин дубок! Нет, они ещё и в гнездо таскали. Люба плакала с досады, видя, как папа-воробей с деловым видом летел к дубу и как пищали прожорливые детки, когда им приносили лакомое угощение.

Люба горевала недолго. Слезами не поможешь. Она окутала весь молодой дубок сеткой.

— То добро, що дуб не дуже великий! — радовалась она.

И вот у шелкопрядов прошли четыре линьки. Огромные, толстые, бархатно-зелёные, с золотыми бугорками на боках, они выглядели несказанно красиво. Гусеницы собирались завивать коконы, когда Люба уехала в лагерь. Здесь она ходила в экскурсии, собирала коллекции, училась делать чучела зверушек и птиц, а мысли её то и дело возвращались туда, в маленький древний Галич, к зелёному дубу, где, быть может, шелкопряды уже вьют свою нить, самую прочную в мире.

Самое дорогое

В лагере больше чем полтысячи ребят, и о каждом можно сказать что-нибудь хорошее, даже о тех, кто ещё ничего замечательного не вырастил, не открыл, не собрал.

Например Володя Оверченко с Полтавщины, из Супоевской школы. Он только-только перешёл в третий класс, когда его заинтересовали занятия юннатского кружка. И вот он прививает дыни на тыквы. Не везёт Володе: то не прижились его дыни, то прижились, да мороз побил, то нехороший человек какой-то потоптал плоды.

А Володя — небольшой, коренастенький, с круглой головой и весёлыми глазами — всё прививает да прививает, в эту весну уже четвёртый год пошёл. Глядя на этого мальчика, веришь: всё равно он не отступится, всё равно приживутся у него дыни на тыкве! Тому порукой драгоценные качества, которые взросли и зреют в нём самом: трудолюбие, упорство и пытливость, не знающие устали. Было бы это, а дыни будут, да ещё какие!

В том, что делают у себя на селе ребята, отражается работа агробиостанции, как в волнах реки тысячами блёсток сверкает солнечный луч.

Станция затевает большие дела в помощь великому сталинскому плану перестройки природы: сбор семян для будущих посадок, помощь в разведении замечательного дерева — грецкого ореха, — закладка питомников и многое другое.

Юннаты на селе делают то же. Валя Симоненко заложила свой питомник на 2 тысячи кустов жёлтой акации в прошлом году, как только прочитала закон о лесозащитных полосах. Звенья по клёну, акации белой, акации жёлтой родились в Перещепинской школе тоже прошлым летом. Они готовят больше ста тысяч саженцев для полей соседних колхозов. Пятьдесят дубков и без счёта сосен, которые растут в Петропавловке, посеял и рассадил Коля Опанасенко со своими товарищами!

Юннаты взялись за это сами, взялись скорее, чем дошло бы до них самое спешное письмо с указаниями и советами. И вот тут великая заслуга центральной агробиостанции. Она воспитывает в сотнях тысяч ребят по всей Украине чувство общественного долга, способность горячо и стремительно отзываться на каждую задачу, которую Родина ставит перед советскими людьми, уменье быстро занять своё место в строю рядом со взрослыми и помогать без громких слов, в меру своих детских сил, но изо всех сил. Она воспитывает не только юных натуралистов, но и юных ленинцев.

Нина Ярош, пионерка с Харьковщины, организатор школьного звена высокого урожая, рассказывала мне о своём рисе «золотые всходы». Слушая Нину, я думала о Дмитрии Лавровиче Сергиенко, директоре станции, и его товарищах по работе. Самые драгоценные всходы те, что растят они. Это Нина Ярош, Володя Оверченко, Коля Опанасенко, Люба Середнюк, Коля Вовк и тысячи сотни тысяч юных мичуринцев, ботаников, зоологов Украины. Будущие хозяева земли, золотые всходы — всходы коммунизма.

Е. Рубцова

ДЕТИ ГОРЧИЧНОГО РАЯ

(Продолжение)

Н. Кальма

Рис. В. Цельмера

ЗНАМЕНИТЫЙ ПЕВЕЦ

— И ты бывал в домах у белых джентльменов?

— Много раз.

— И белые люди сидели с тобой за одним столом, и говорили с тобой, и передавали тебе кушанья, и угощали тебя?!

— Да, да. И я встретил там моего старого друга, Нэда Бэрроуз, он крупный учёный. И его все уважают.

— Нет, дядя Джим, тут что-то не так. Негра уважают белые! Нет, никогда я этому не поверю...

— Ну ладно, мальчик, довольно болтать, тебе это вредно. Вон твоя мать уже смотрит на меня, как тигрица, за то, что я тебя взволновал и веду слишком серьёзные разговоры...

И Джим Робинсон ласково, легко, как женщина, коснулся забинтованной головы племянника.

Много дней и ночей провёл мальчик в больнице. Он почти не ел и не отвечал на вопросы врачей. Забытьё сменялось бредом. Тупая, ноющая боль била в голову, затемняла сознание. То виделся ему пологий склон холма Надежды, который двигается, двигается, как большая река, и течёт асфальтовой лентой куда-то в бесконечность. То вдруг покажется лицо матери, всё залитое слезами.

— Мама, ма, не плачь, я здесь, я буду вместо папы...— бормочет Чарли, которому кажется, что мать оплакивает отца.

А потом, когда вернулось сознание и отступила боль, Чарли сделался вдруг вялым и скучным. Его теперь ничто не интересовало: ни школьные и домашние новости, которые приносила мать, ни сласти, те немудрые сласти бедняков, которые посылали ему Василь, Джой и Нэнси. О гонках и о своей аварии он говорил совершенно равнодушно, как о чём-то случившемся с посторонним человеком. Даже известие о том, что Мэрфи посылают на всеамериканские гонки, которое со всякими предосторожностями сообщил ему Василь, казалось, нисколько не заинтересовало мальчика. Но непосредственная опасность миновала, и можно было взять Чарли домой, тем более, что лечение в больнице было не по средствам Салли. А тут вдруг телеграмма от Джима с известием о приезде.

Как обычно в последнее время, Чарли был скучен и неразговорчив, когда Салли пришла к нему в этот день в больницу. Тусклые глаза, тусклый голос.

— Мальчик, завтра приезжает наш дядя Джим,— сказала, ни на что не надеясь, бедная мать.

Вы знаете сказку о мёртвом витязе, которого сбрызнули живой водой? Вот так преобразился и Чарли, услышав новость, принесённую матерью. Лицо стало живым, голос дрожал от радости, когда он спрашивал:

— Завтра? Неужели завтра я его увижу?! Он придёт ко мне?!

И вот вчера его привёз домой дядя Джим, тот самый Джим, который теперь был для Чарли самым дорогим человеком на земле после матери. И Чарли, осунувшийся, с сухим, побелевшим ртом и всё ещё забинтованной головой, не мог наговориться с ним досыта.

Уже рассказано о школе, о дактилоскопировании, о том, как он, Чарли, не побоялся выступить и сказать белым своё мнение, и о том, как началась травля всех цветных школьников. И о перевыборах и о празднике рассказал Чарли, тихо-тихо, чтобы не слышала мать. Дядя Джим должен всё узнать. Он всё поймёт, как надо. И Чарли горячим шопотом рассказывает, как во время праздника читали список погибших на войне и как забыли всех негров, отдавших свою жизнь за Америку. Наконец-то мальчик может открыть кому-то всего себя, всю накопившуюся боль оскорблённого человеческого достоинства, все мелкие уколы и ранения, которые приходится ему выносить за то, что он родился чёрным бедняком.

Дядя Джим не говорит поминутно: «Не волнуйся, Чарли», или «Избегай думать об этом», или «Тебе вредят такие разговоры». Он слушает молча, не прерывая Чарли и ничем не выдавая своих чувств. Он курит, зажигая одну сигарету о другую, и комната окутана голубым облаком дыма.

Вот он стоит, «чёрный Карузо», высокий, чуть сутулый, засунув руки в карманы, и смотрит на забинтованного мальчика. Об этом певце пишут все газеты мира. Пластинки с записями его голоса стоят дороже всех других пластинок. Радиостудии наперерыв приглашают его выступать.

Но на его родине ни одна белая женщина не показалась бы с ним в театре или на улице, ни один белый джентльмен не ввёл бы его в свой дом, а пожать ему руку в публичном месте считалось бы непозволительным либерализмом и вызовом общественному мнению.

Может быть, поэтому в глазах Джима Робинсона, «чёрного Карузо», навсегда залегло ироническое выражение, а рот приобрёл ту жестковатую складку, какая бывает у людей, много испытавших на своём веку. Волосы его были цвета соли с перцем из-за сильно пробивающейся седины, улыбался он редко, а в его длинных, висящих вдоль тела руках и опущенных плечах чувствовалась огромная усталость. Как будто этот знаменитый негр-певец вобрал в себя всю печаль и разочарование своего народа. Слава не испортила его. Он ещё хорошо помнил то время, когда работал простым пильщиком на лесопильных заводах в бухте Одри. Он и тогда пел так, что люди после работы оставались часок-другой послушать его песни и негритянские завораживающие душу гимны.

Дядя Джим слушает молча, не прерывая Чарли и ничем не выдавая своих чувств.

Оба они с братом Тэдом родились в семье портного-негра в маленькой деревушке, но судьба повела их разными путями. Быть бы Джиму до смерти пильщиком, если бы не надоумил его один рабочий-поляк ехать в Европу. Он и поехал простым матросом и пел в портовых кабачках в Марселе, пока его не услышал какой-то музыкант. Музыкант увлёкся мыслью, что он отшлифует этот «чёрный алмаз» и придаст ему небывалый блеск. Он начал учить Джима Робинсона и вскоре выпустил его уже в кабаке сортом повыше. И так, подымаясь со ступеньки на ступеньку, Джим сделался тем, чем он был сейчас,— человеком с магическим голосом, который был знаком всему миру.

Когда родители, простые, ничем не примечательные негры-бедняки, умерли, дом Тэда стал для Джима Робинсона его настоящей семьёй. Сам он был одинок. Ходили слухи, что некогда, приехав в Филадельфию на концерт, он влюбился в девушку-американку из «респектабельной» семьи и она тоже полюбила его. Но родители, которые скорее предпочли бы видеть свою дочь мёртвой, чем замужем за негром, увезли её куда-то на хлопковые плантации юга, чтобы она воочию могла убедиться, какой участи заслуживают негры.

С тех пор Джим окончательно прилепился к семье Тэда, няньчил маленького Чарли и всерьёз подружился с племянником, когда Чарли подрос.

Приезды Джима были праздниками для всех обитателей Горчичного Рая. Как будто приоткрывался край тяжёлого, глухого занавеса, скрывающего огромный, разнообразный, то злой, то добрый, мир, лежащий где-то далеко-далеко, в недоступных областях.

Отзвук дальних гроз, идущей в мире борьбы за справедливость, дыхание больших событий входили вместе с певцом в жалкие негритянские лачуги, в жилища белых бедняков. Через него обитатели Горчичного Рая как бы соприкасались с другими бедняками, которые сражались за будущее. Под стенами университета в Мадриде он пел для повстанцев, воюющих с фашистами. Он слушал речь Димитрова на суде в Лейпциге, речь, повергавшую в прах все твердыни капитализма. Он дружил с бастующими английскими докерами. В токийских мастерских он пел старинные негритянские гимны для японских рабочих и после шёл с ними в их прозрачные, похожие на бумажные фонарики дома и до утра слушал страшные и простые рассказы о жизни.

Он всё знал и понимал, этот усталый темнолицый человек с ироническим и острым взглядом.

Однажды, уже после окончания войны, он вернулся в Стон-Пойнт весёлый и бодрый, как никогда до этого.

— Я был в России, в Москве,— сказал он Салли и племяннику.— Я видел Красную площадь и Мавзолей, где лежит Ленин. И я видел и понял русских.

В тот раз Джим Робинсон встретился со всеми старыми друзьями. Он долго толковал о чём-то с Цезарем, и Цезарь привёл мистера Ричардсона и познакомил его с дядей Джимом, и Чарли радовался, что они, видимо, очень понравились друг другу. Дядя Джим привёз тогда с собой много книг и журналов, где рассказывалось о Советском Союзе, и все их соседи, белые и чёрные, накинулись на эти книги, как голодные на хлеб. Дядя Джим тогда скоро уехал опять гастролировать в Европу, и после соседи рассказывали, что какие-то подозрительные молодцы ходили по домам Нижнего Города и выспрашивали, нет ли какой-нибудь литературы о России.

Но у людей Нижнего Города был богатый опыт, и они привыкли держать рот на замке.

— Будь аккуратней, Джимми, теперь у нас времена крутые. Чуть скажешь что-нибудь лишнее, сейчас же тебе пришьют, что ты агент «красных», и обвинят в государственной измене,— сказал после приезда Джиму Робинсону его старый друг Цезарь.

Едва услышав, что появился Джим, он сейчас же прибежал. Ох, как они обрадовались друг другу, он и Джим!

— Всё такой же, старина. И время тебя не берёт, скажу, не стесняясь,— гремел Цезарь.— Красавец ты, «чёрный Карузо»!

— А ты всё ковыляешь на своей деревяшке? Почему до сих пор не приобрёл протезы?! — набросился на Цезаря дядя Джим.

— Думаешь, так легко это сделать в нашей благословенной стране? Для безработных негров государство не торопится делать протезы.

Джим Робинсон нахмурился:

— Ага, понимаю... Ни работы, ни денег, ни помощи... Ну хорошо, мы что-нибудь организуем.

Цезарь замахал на него здоровой левой рукой:

— И думать не смей! Я ведь тебя знаю. Ты, небось, сам сидишь с долларовой бумажкой в кармане?! Доходы тысячные, а денег никогда нет, потому что где-нибудь в мире существуют какие-нибудь испанские беженцы, или греческие повстанцы, или ещё кто-нибудь, нуждающийся в помощи, и знаменитый «чёрный Карузо» считает, что там без него не обойдутся... Так ведь?! — обратился он к певцу.

Тот смущённо пригладил волосы на висках:

— Видишь ли, Цезарь...

— Видим, видим! — вмешалась в разговор Салли.— Цезарь прав: ты только о других думаешь, а о том, чтобы скопить денег на старость, когда у тебя не будет такого великолепного, свежего голоса, ты и не подумал...

Джим загадочно посмотрел на свояченицу.

— Старость? — пробормотал он.— Кто знает, где будет проходить моя старость? Может быть, я буду жить там, где о стариках все заботятся...

— О, ты всегда был мечтателем, как мой Тэд,— грустно усмехнулась Салли.— Где это ты нашёл такую сказочную страну, где заботятся о стариках и покоят их?!

— А я знаю, о какой стране говорит дядя Джим!.. — Чарли смотрел блестящими глазами на мать.— Он говорит о России...

— Тсс... сынок, ты не очень-то кричи об этом,— сказал Цезарь,— шпики так и шныряют всюду, скажу, не стесняясь.

— Я вижу, у вас тут много хуже, чем в прошлый мой приезд,— сказал Джим, закуривая папиросу и поднося зажжённую спичку к трубке Цезаря.— Обстановка довольно противная, я тоже скажу, не стесняясь,— и он выразительно посмотрел на присутствующих.

— Что ж! «Что хотели, то и съели», как говорит поговорка,— Цезарь выпустил огромное облако дыма.— Перед выборами и президент и его помощнички спрятали коготки и гладили всех бархатными лапками по шёрстке. А когда снова настало их царство, они себя и показали. Да что далеко ходить: я думал, что и тебя не пустят домой за то, что ты выступал на конгрессе сторонников мира. У нас тут пошло такое, что утром не знаешь, в какой каталажке очутишься к вечеру. Все тюрьмы переполнены, безработных больше, чем работающих. А газеты, и радио, и книги орут во всю глотку, что Советы собираются на нас войной и намерены завоевать весь мир и Америку в том числе...

Он подошёл ближе к Джиму и положил ему на плечо здоровую руку.

— Ох, и ждали же мы тебя, Джим! Ты один скажешь нам правду об этой войне. Правда ли, что Россия хочет с нами воевать и забрать Америку в свои руки?

Джим Робинсон громко рассмеялся.

— Вот чудаки! — сказал он.— А всё-таки и вас пробрала американская пропаганда! Кажется, и вы чуть было не поверили в то, что Советский Союз хочет войны?!

— Нет, нет, мы не поверили! — горячо начал его убеждать смущённый Цезарь.— Но ты понимаешь, газеты кричат, радио кричит, тут поневоле смутишься, скажу, не стесняясь.

Джим Робинсон уселся на кровать племянника и взял его похудевшие руки в свои.

— Достаточно ты силен, чтобы принимать гостей? — спросил он.— Слышишь, что болтает этот верзила на деревяшке? Ведь это срам слушать! Придётся нам позвать кое-какой народ и поговорить о том, что делается на свете. А то вы тут живёте, как бобры в своём водоёме...

— Я завтра встану, дядя Джим,— Чарли порывался подняться.

Но тут налетела Салли, сердитая и непреклонная.

— Будешь лежать до тех пор, пока я не позволю встать,— заявила она твёрдо.— Люди могут и теперь приходить. Да вот, кстати, кто-то идёт к нам...

Это была «звезда» Маргрэт с двумя девочками, Нэнси и Мэри. Девочки принесли Чарли первую сирень. Они ещё ничего не знали о приезде Джима Робинсона, слышали только, что их друга перевезли домой. Не знала о приезде Джима и Маргрэт, иначе, наверное, она позаботилась бы о том, чтобы скрыть свой расстроенный вид и заплаканные глаза.

— Боже милосердный, кого я вижу! Джим Робинсон! — растерянно пробормотала Маргрэт.— Когда же он приехал, Салли, дорогая? Вот что значит сидеть дома и не читать газет!..

— Немного вы прочли бы в газетах о Джиме,— сказала, смеясь, Салли,— одну крохотную заметку где-то после реклам мыла и синьки...

— Здравствуйте, Маргрэт, голубушка моя,— Джим Робинсон нежно пожал руки актрисе.— А почему глазки заплаканы? Что случилось у моей старой приятельницы Маргрэт?

— Так, пустяки. Я так рада вам, Джим! Вы точно луч света в нашей страшной жизни...

Обе девочки во все глаза смотрели на «чёрного Карузо». Так вот он, этот знаменитый певец, о котором толкует весь Нижний Город.

— А кто эти молодые леди? — обернулся к ним Джим Робинсон.— Впрочем, я догадываюсь: одна из них, верно, ваша дочь, Маргрэт, ваша Нэнси, которая умеет и петь и танцовать и пишет прелестные стихи, как я слышал? Подойди ко мне, дочурка, дай на тебя полюбоваться, ведь я знал тебя ещё крошкой.

Он привлёк к себе смущённую Нэнси и почтительно, как взрослой, пожал ей руку.

— А как имя твоей подруги?

Мэри присела:

— Мэри Смит, с вашего позволения, сэр.

Джим Робинсон улыбнулся и ей:

— Знаю, знаю всё о вас, молодая мисс, как вы назвали со сцены имя автора стихов и как вы на гонках молились за Чарли,— он шутливо подмигнул.— Как видите, я уже в курсе всех событий.

Пока шёл этот разговор, Салли, потихоньку поманив к себе Нэнси, выспрашивала её, почему заплаканы глаза у Маргрэт.

— Выгоняют нас из дома,— нехотя призналась Нэнси.— Мы не уплатили за последнюю треть, и пришёл управляющий «большого босса» и сказал, что это очень кстати, потому что «босс» решил очищать Горчичный Рай от негритянских лачужек и строить здесь большие доходные дома.

— Когда же это кончится? — пробормотала Салли.

Усевшись на скамеечку возле постели Чарли, девочки возбуждённо спрашивали:

— Что он тебе привёз, Чарли? Рассказывай скорей!

Чарли смотрел с улыбкой на девочек.

— Ух, он привёз мне целую кучу вещей,— оживлённо начал он.— Во-первых, духовое ружьё.

— А что ещё он привёз? — допытывалась Нэнси, которую совсем не интересовало ружьё.— Книги привёз?

— Книг целый ящик,— сказал Чарли.— Полный Джек Лондон, Сэттон Томпсон, Тэккерей...

— Неужели ты всё это будешь читать? — Мэри с уважением смотрела на мальчика.— У меня никогда бы нехватило терпения...

— Но самая замечательная книга — вот эта,— Чарли потянулся и взял со столика небольшую книжку в сером переплёте.— Её написал один русский писатель. Дядя Джим ещё в прошлый свой приезд рассказывал мне о нём. Понимаете, девочки, этот человек был слепой и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он много-много лет провёл в постели, лёжа пластом, но у него была такая сильная воля и выдержка, что он не сдался. Он лежал и диктовал эту книгу, в которой рассказывал всю свою жизнь. И жизнь эта была такая сильная и прекрасная, что теперь там, в Советском Союзе, все мальчики, и девочки, и взрослые люди читают эту книгу и учатся по ней жить.

— А как она называется? — спросила Мэри.— Ну-ка, дай сюда.

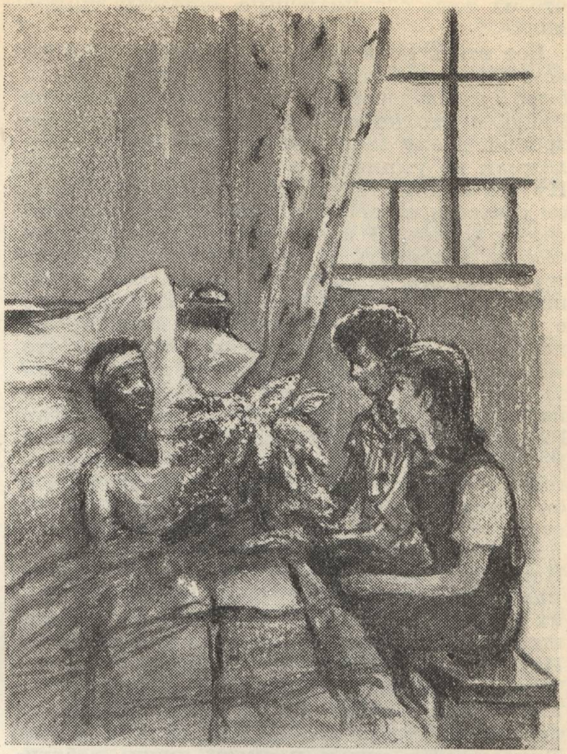
Нэнси опередила её. Она взяла книгу из рук Чарли и громко прочла заглавие, напечатанное красными буквами:

— «Как закалялась сталь».

НЬЮМЕН ОЧЕНЬ ЗАНЯТ

У него едва хватало времени, чтобы побриться. Он мало спал, плохо ел и стал предельно раздражителен. Да как и не стать раздражительным и нервным?!

Стон-Пойнт, такой тихий, приятный, респектабельный городишко с «тринадцатью семействами», аристократической Парк-авеню, с пикниками на острове, лужайками для гольфа, несколькими церквами и тем «средним уровнем жизни», которым так гордятся

— Что он тебе привёз, Чарли? Рассказывай!

все в Америке, вдруг стал беспокойным, непонятным и загадочным.

Мало того: из ФБР, Федерального бюро расследований, прямо сообщали, что в Стон-Пойнте есть свой штаб коммунистов и чтобы Ньюмен проявлял ежечасно и ежеминутно бдительность, сообщал бы заблаговременно о планах «красных» и вёл наблюдение не только за перепиской людей, но и за книгами, которые они читают, за их мыслями.

Подручные молодцы Ньюмена сбились с ног, выполняя распоряжения своего «босса».

Ньюмен раздражался ещё и потому, что его, как он был уверен, вовсе не ценили в Вашингтоне. Когда он попробовал доложить, что основное гнездо «красных», разумеется, находится в Нижнем Городе, на окраине, известной под названием «Горчичный Рай», где обитает главным образом цветное население, на него там накричали и даже весьма непочтительно обозвали «старой калошей». Оказывается, последователей коммунистов следовало искать в самых различных слоях населения. Даже пресловутые «тринадцать семейств» оказались под подозрением. Например, Ньюмену очень настоятельно рекомендовали проследить за поведением и связями такого уважаемого человека, как доктор Рендаль. Доктор Рендаль — и коммунисты! Этого Ньюмен не мог себе представить.

— Уверен, что ни Авраам Линкольн, ни Томас Джефферсон, ни даже сам Франклин Рузвельт не выдержали бы теперь в Вашингтоне эту проверку лойяльности, — ворчал про себя Ньюмен.— Готов поклясться чем угодно,

что их тоже обвинили бы в «красных симпатиях».

Вот взять хотя бы это поручение с Рендалем. Он сказал тем ребятам из Федерального бюро расследований, что считает мистера Рендаля вполне свободным от всяких подозрений, а ему закатили головомойку и предложили не умничать и делать то, что велят. Ну что ж, пожалуйста, он не будет умничать, он согласен строго придерживаться указаний своих хозяев. В конце концов, он вовсе не обязан защищать репутацию какого-то доктора Рендаля! К тому же, может, там, в Вашингтоне, и правы?! Ведь дружит же доктор с этим учителем Ричардсоном, которого не подвергли «проверке» только потому, что «большой босс» велел подождать, понаблюдать за ним и выловить всех его дружков. А за последнее время и доктор Рендаль и учитель Ричардсон повадились навещать негритёнка Робинсона, который расшиб себе голову на гонках «табачных ящиков». Жаль, право, что он вовсе не сломал себе шею. Какой толк, скажите, от негра, в котором сидит дух непокорства, дерзости и упрямства?! Он-то, Ньюмен, отлично помнит, как этот чёрный мальчишка не дал ему снять отпечатки своих лап да ещё подговорил чуть ли не всю школу отказаться от дактилоскопирования. Из-за этого дрянного негритёнка Ньюмен получил тогда замечание от начальства. «С таким пустым делом — и то не справились,— сказал ему тогда эта жирная свинья, майор Симсон.— Не могли уломать кучку ребятишек! Видно, стареете, Ньюмен!» А сейчас фамилия «Робинсон» чуть не каждый день мозолит ему глаза.

С тех пор, как приехал этот «чёрный Карузо», Джим Робинсон, в городе только и разговору, что о нём. В особняках на Парк-авеню мечтают послушать его песенки, его знаменитый на весь мир голос, а в Нижнем Городе, кажется, мечтают услышать от него что-то другое. Недаром в доме Робинсонов теперь с утра до вечера толпится народ, и не порядочные какие-нибудь, а голь из Горчичного Рая, цветные и белые.

Ньюмен уже пытался что-нибудь выведать через одного из своих молодцов, да рабочие стали очень осторожны и держат язык за зубами. А узнать, зачем приехал «чёрный Карузо» и что он такое болтает, необходимо. Из Вашингтона уже несколько раз предупреждали Ньюмена: певец выступал на Всемирном конгрессе сторонников мира, а потом гастролировал в Советском Союзе. В списках ФБР он уже зарегистрирован как «агент иностранной державы».

Пыльная улица вела в Нижний Город. Май выдался на редкость жаркий. От нагретого асфальта, от раскалённых стен так и палило. В такую погоду поехать бы на остров. А тут надо читать чьи-то чужие письма, устанавливать в укромных уголках диктофоны, расставлять агентов-наблюдателей, выслушивать донесения помощников. Ох, всего не перечислить, что надо делать в наше время несчастному работнику ФБР!

— Как поживаете, сэр? — белесый мальчик в скаутской форме подобострастно поклонился, проходя мимо; его товарищ в клетчатых

— Возможно, вы смогли бы мне пригодиться.

спортивных гольфах и светлой шёлковой рубашке кивнул более небрежно.

Сыщик воззрился на обоих мальчиков:

— Как будто где-то встречались, э?

— У нас в школе, сэр,—обрадованно сказал белесый.— Вы приходили к нам брать отпечатки наших пальцев,— и для большей наглядности он растопырил всю пятерню.

Сыщик внимательней взглянул на него.

— Кажется, вы были не из тех, кто тогда заартачился? — спросил он.— Вот только не припомню, как зовут тебя и твоего дружка.

— Меня, сэр, зовут Фэниан Мак-Магон, я сын директора школы, которого вы тоже знаете, — тотчас же радостно отрекомендовался белесый.— А это мой приятель, Рой Мэйсон. Мы оба с удовольствием дали вам отпечатки, сэр. У нас ведь весь бунт затеял черномазый Робинсон, если вы припоминаете, сэр.

— Ага, помню, — кивнул сыщик.

От спички, поспешно зажжённой Фэйни, он прикурил толстую чёрную сигару. Память его работала с профессиональной быстротой. Мак-Магон младший? Ага, превосходно! Очевидно, это те двое, которые вызвались дать «большому боссу» сведения о Ричардсоне. Миллиард тогда говорил, что они отлично справились со своей задачей.

Между тем Фэйни во что бы то ни стало хотел доказать сыщику, что он во всех смыслах благонадёжный сын своей страны.

— Мы-то, наоборот, стояли тогда за то, чтобы непременно дактилоскопироваться,— говорил он торопливо,— я даже, если помните, просился к вам в помощники.

Ньюмен выпустил облако дыма. Где-то в глубине его маленьких глаз зажёгся огонёк.

— Просился в помощники? — повторил он задумчиво.— Что ж, надо подумать... Возможно, вы смогли бы мне пригодиться.

— А что мы должны для этого делать, сэр? — солидно, как и надлежит деловому американцу, спросил Рой.

— Ничего особенного. Просто, как школьники и товарищи этого Робинсона, вы могли

бы иногда рассказывать мне кое-что о нём и о некоторых учителях.

Фэйни просиял от радости.

— Да ведь мы это самое и делаем, сэр! — воскликнул он в возбуждении.— Вот уже несколько недель мы следим за мистером Ричардсоном, младшим учителем. Он у нас на подозрении, и кроме того сам мистер Миллиард поручил нам наблюдать за ним. У мистера Ричардсона, сэр, связи с Москвой, и мы это сказали на совете попечителей.

— В самом деле? — Ньюмен сделал вид, что впервые слышит всё это и сильно заинтересован.— Очень ценные сведения, парень, даю слово! Что ещё?

— Мы уже проследили, что мистер Ричардсон бывает в Нижнем Городе у рабочих, сэр, и носит им какие-то книжки,— торопился изо всех сил Фэйни.— А к Робинсону приехал его дядя — знаменитый певец. Он только что из России, сэр, и говорят, поёт тамошние коммунистические песни и будет петь их у нас в городе на концерте. В субботу к Робинсонам собирается несколько наших ребят со своими родителями. Хотят послушать, что расскажет им «чёрный Карузо». Кажется, мистер Ричардсон тоже там будет...

На этот раз сыщик заинтересовался всерьёз:

— Гм... вот оно что... Хорошо бы и вам пойти на это собрание. Отчего бы, скажем, не навестить больного товарища?

Фэйни и Рой смущённо переглянулись.

— Мы-то не можем, сэр,— сказал Рой.— После того, что случилось на гонках, нам нельзя показываться в Горчичном Раю...

— Жаль, жаль...— Ньюмен пыхнул сигарой.—Мне хотелось бы иметь там своего человечка.

Оба мальчика переглянулись. Рой откашлялся.

— Есть у нас один такой человек, сэр,— сказал он, немного покраснев,— это... это одна девочка. Можно будет устроить...

Фэйни так и впился глазами в товарища. Кто это? О ком говорит Мэйсон?

— Девочка? Это ещё лучше,— кивнул сыщик.— Девочки обычно лучше улавливают суть. И ничего не стоит в случае чего заставить их говорить. Отправьте её туда в субботу и сообщите мне, чтобы я имел её в виду, когда мне понадобится свидетельство.

— О'кэй! — и Рой, молодцевато козырнув сыщику, двинулся по улице; за ним, всё ещё оглядываясь на сыщика, отправился и Фэйни.

За углом они вошли в будку уличного автомата.

— А ну, скажи что-нибудь, я проверю на слух,— говорил Фэйни приятелю.

— Как вы поживаете, мисс Причард? — пискливым, тоненьким голоском протянул Рой.

— Ох, здорово! Вот здорово-то! — так и закатился Фэйни.— Ну, теперь звони ей!

Рой закусил губу. Злое выражение очень портило его красивое лицо.

— Действительно я это неплохо придумал,— сказал он хвастливо,— поделом ей, этой гордячке, пускай потом сыщик припугнёт её. Подумать только: я предлагаю ей пойти со мной в кино, а она нос воротит. А с негром сейчас бы, наверное, отправилась!..

Рой набрал нужный номер.

— Её мать,— быстро шепнул он приятелю.— Могу я попросить к телефону Патрицию?—пропел он тоненьким голоском, который должен был изображать девическое сопрано.

— Кто спрашивает мою дочь?

— Это говорит одна её знакомая из школы,— опять запищал Рой, делая выразительные жесты Фэйни. — Пошла за ней. Хорошо, что она дома... Это вы, мисс Патриция? — снова запел он в трубку.— С вами говорит одна соседка Чарльза Робинсона. Нет, мисс, вы меня не знаете. Да, мисс, ему уже лучше. Он дома, мисс, и просил вас навестить его. Да, да, навестить... Нет, вы не ослышались... Он думает, что лучше всего это сделать в субботу, после обеда... Что ему передать, мисс? Вы постараетесь придти? О, он очень обрадуется, мисс, уверяю вас... Он так любит вас, мисс, прямо обожает... Хэлло! Хэлло!..

— Повесила трубку,— сообщил он Фэйни.— Сказала, что постарается в субботу придти. Повидимому, там поблизости стояла её мамаша, потому что разговаривала она не очень-то вразумительно. Ну, самое главное сделано!

(Продолжение в следующем номере.)

Игорь Лашков

Военная игра

Трубит горнист. Пора, пора!
У нас военная игра.
Соседний лагерь — «враг».
Нам надо много вёрст пройти
По незнакомому пути,
Поднять победы флаг.

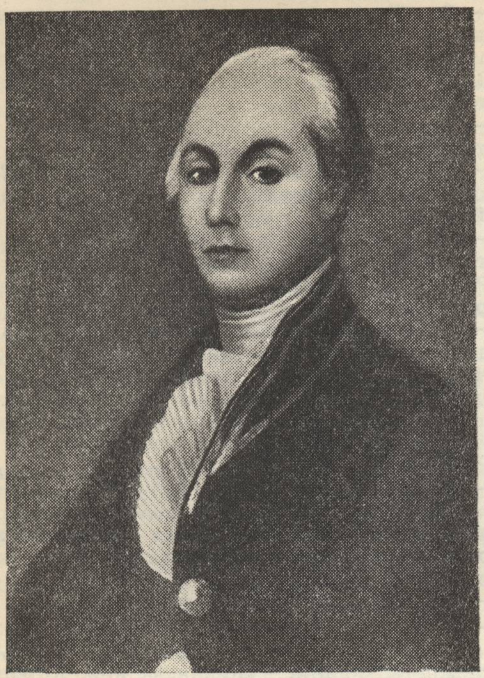
Вокруг темно. Рассвет далёк,
И мы шагаем без дорог
По компасу вперёд.
Передовые патрули
Должны добраться до зари,
Предупредив восход,
Туда, где сторожат «враги»
Свой вымпел боевой,
Где оборону в две дуги
Должны с похода смять «стрелки»
Атакой лобовой.

Чтоб не заметил часовой,
Мы укрываемся листвой
Среди звериных троп.
Лежим и слышим голоса.
Вблизи чужая полоса —
Передовой окоп.

Ракета рвётся над сосной,
Ракета — знак. Команда: «В бой!
У-ррр-а! У-ррра-а! У-ррра-а-а!».
И мы бежим, «огонь» открыв,
Через препятствия в прорыв,
Но впереди гора.

На высоте стоит шалаш,
Мы знаем — вымпел будет наш.
— Вперёд, друзья, вперёд!
В смятеньи убегает «враг».
Над шалашом пылает флаг
Победоносных «рот».

Горнист трубит походный сбор.
Он разбудил рассвет.
Заря вошла в сосновый бор.
И дружный пионерский хор
Поёт заре привет.

А. Н. РАДИЩЕВ

Летом 1790 года купец Герасим Кузьмич Зотов, торговавший книгами в Гостином дворе в Петербурге, приобрёл для продажи только что вышедшую из печати новую книгу. По словам Зотова, «сию книгу многие стали спрашивать», и он собирался уже закупить ещё, как... неожиданно был арестован, а лавка его опечатана.

Эта книга называлась «Путешествие из Петербурга в Москву», написал её Александр Николаевич Радищев.

Книга попала в руки царствовавшей в то время императрицы Екатерины II. Прочитав книгу, Екатерина пришла в страшный гнев. Она сразу поняла её громадное политическое значение: это была первая книга в России, беспощадно критиковавшая весь строй тогдашнего крепостнического общества, открыто призывающая народ на борьбу с самодержавием. В своих замечаниях на книгу Радищева Екатерина писала:

«Намерение сей книги на каждом листе видно; сочинитель оной... всячески ищет и выищивает всё возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства».

Екатерина объявила книгу «зловредной», нетерпимой в «благопристойном государстве».

Генерал-губернатору Петербурга графу Брюсу было послано распоряжение о том, чтобы книга «нигде в продаже и напечатании не была...»

Все ранее проданные и розданные автором экземпляры приказано было отыскать и сжечь.

Так расправилась Екатерина с первым изданием книги Радищева.

Однако книга продолжала жить. Случайно уцелевшие экземпляры тайно переписывались от руки.

Идеи Радищева были восприняты декабристами; а позже, во второй половине XIX века, — революционерами-демократами.

Когда Герцен организовал в Лондоне свою вольную типографию, в которой печатались революционные произведения, одним из первых его изданий было «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. В предисловии к этому изданию Герцен пишет:

«Александр Радищев смотрит вперёд... Его идеалы — это наши мечты, мечты декабристов... Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в Думах Рылеева, и в собственном нашем сердце...»

В течение ста пятнадцати лет — вплоть до революции 1905 года — с ожесточённой настойчивостью и упорством самодержавие преследовало книгу Радищева.

Но так велика сила правды этой книги, что она продолжала жить, внушая страх и трепет тем, против кого была направлена.

От первого издания книги Радищева уцелело всего двенадцать экземпляров. Все они сейчас хранятся в музеях и библиотеках и представляют исключительную библиографическую редкость.

Один из экземпляров первого издания хранится в Москве, в Государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина. На нём рукой Пушкина сделана надпись:

«Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачено двести рублей.

А. Пушкин».

Чтобы приобрести книгу Радищева, Пушкин не остановился перед огромной для того времени суммой.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно освободила книгу Радищева от более чем векового запрета. Сейчас у нас имеются прекрасные издания «Путешествия».

Такова история знаменитой русской книги.

Трагична судьба её автора.

Александр Николаевич Радищев родился 31 августа 1749 года в семье саратовского помещика. Образованнейший человек своего времени, с

Вот в таких возках путешествовали во времена Радищева.

большими светскими связями, он мог сделать блестящую придворную карьеру. Однако Радищев пренебрёг этой карьерой и высоким положением, чтобы, по его собственным словам, «восстать на море бед и кончить жизнь борьбою».

Почти десять лет писал он книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», вложив в неё всю силу своей ненависти к самодержавно-крепостническому строю и огромную любовь к угнетённому народу.

Он нарисовал жуткие, взятые из действительной жизни картины произвола и бесчинства помещиков над своими рабами — крепостными. В главе «Зайцово» показан помещик, который отнял у крестьян всю землю и скотину и заставил работать всю неделю на себя... «Если который казался ему ленив, то сек розгами, плетьми, батожьём, или кошками...» «Надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку...»

Нищету крестьянства Радищев противопоставил роскошной жизни дворян и помещиков, обличая их в грабеже народа. В главе «Пешки» описана крестьянская изба.

Четыре стены и потолок, покрытые сажей, пол в щелях и на вершок поросший сажею; печь без трубы, окна, затянутые пузырём, сквозь который тускло пробивается дневной свет...

Деревенская улица того времени.

«Тут видна, — говорит дальше Радищев, — алчность дворянства, грабёж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние». В оде «Вольность» Радищев изобличает царя:

«Злодей, злодеев всех лютейший!
Превзыде зло твою главу.
Преступник, изо всех первейший!
Предстань, на суд тебя зову!»

Радищев хорошо понимал, что царь никогда не даст народу свободу. Нет такого примера, говорит он, «чтобы царь упустил добровольно что-нибудь из своей власти, сидя на престоле». В мрачную пору екатерининского самодержавия смело и гневно прозвучали слова Радищева о том, что все богатства земли должны принадлежать народу, а не толпе тунеядцев, пресмыкающихся у трона. Радищев был глубоко убеждён, что придёт время — и народ возьмёт в свои руки то, что принадлежит ему по праву.

«Не мечта сие, — пророчески писал Радищев, — но взор проницает густую завесу времен...»

Екатерина II жестоко расправилась с Радищевым. Подобно Пугачёву, он был приговорён к смертной казни «чрез отсечение головы». Казнь «милостиво» была заменена ссылкой в Сибирь «на десятилетнее безисходное пребывание».

Закованного в кандалы, под строжайшей охраной, Радищева отправили в Сибирь прямо из Петропавловской крепости, где его содержали во время следствия и суда.

Пятнадцать месяцев пробыл он в дороге, пока прибыл в Илимск. Здесь, в глухом сибирском краю, прожил он долгих семь лет.

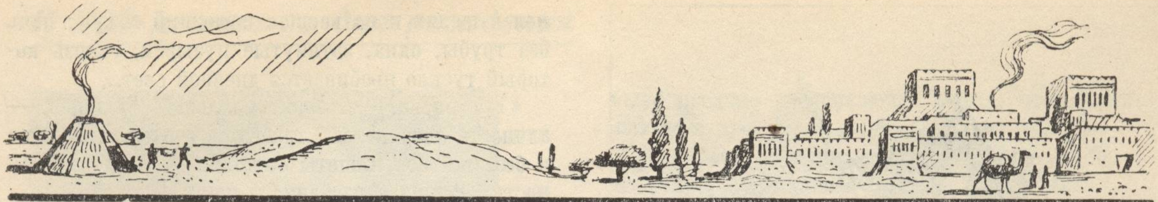
Получив свободу, Радищев недолго пользовался ею. Всё пережитое сильно подорвало его здоровье. Чувствуя, как слабеют силы, под угрозой вторичной ссылки, он 11 сентября 1802 года выпил яд.

Так трагически погиб один из величайших русских патриотов, демократ и борец за счастье своего народа Александр Николаевич Радищев.

Радищев горячо любил свой народ и глубоко верил в его творческие силы, в его великое будущее: «Твёрдость в предприятиях, неутомимость в исполнении — суть качества, отличающие народ российский... О, народ, к величию и славе рождённый!»

С признательностью и любовью вспоминаем мы имя Радищева, первого борца-революционера в ряду тех, кто отдал силы и жизнь за благо и счастье своего народа.

Е. Резникова

КАК ШАЛАШ СТАЛ ДОМОМ, А ДОМ-ГОРОДОМ

М. Ильин и Е. Сегал **Рис. П. Рябова**

Среди песков Кзыл-Кум, недалеко от того места, где Аму-Дарья впадает в Аральское море, советский учёный С. П. Толстов и его сотрудники нашли стоянку древних охотников-рыболовов.

На вершине одного из барханов учёные обнаружили под слоем песка и глины хорошо отделанные кремнёвые орудия, обломки глиняной посуды, кучи кухонных отбросов. В этих кучах было много костей кабана, оленя, косули. Но больше всего здесь было костей щуки и сома. Видимо, рыба была главной пищей людей, которые жили на стоянке.

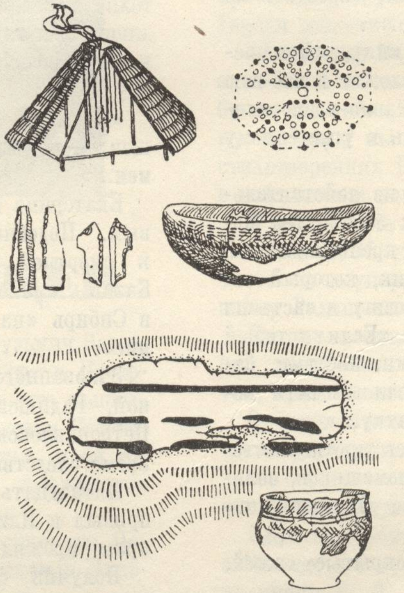
Нашли тут и остатки сгоревшего жилища. От него сохранились только ямы, наполненные золой и углем, куски обуглившегося камыша да тёмные угольные полосы, сходящиеся радиусами к центру. Здесь, посреди жилища, лежал толстый слой чистого, белого пепла, а под пеплом — яркокрасный, хорошо прокалённый песок.

Вокруг этого центрального очага были разбросаны другие очаги — с грязной, чёрной золой, со всякими кухонными остатками.

Вот всё, что учёные нашли на стоянке. И перед ними была задача — по следам жизни представить себе эту жизнь, восстановить вид и устройство давно сгоревшего дома.

Люди, не знающие археологии, вряд ли решили бы эту задачу. Но археологам было ясно, что ямы с углем и золой сохранились в тех местах, где стояли столбы, поддерживавшие кровлю. Кровля была камышовая, об этом говорили куски обуглившегося камыша. Угольные полосы не случайно сходились к одной точке: они легли там, где упали во время пожара стропила, сходившиеся кверху.

На центральном очаге не готовили еду, иначе зола на нём не была бы такая чистая и белая. И золы этой накопилось так много оттого, что на очаге день и ночь поддерживали по древнему обычаю неугасимый огонь.

На верхнем рисунке вы видите домшалаш рыболовов около Джанбас-Кала, а рядом с ним — план этого дома. Белые кружочки указывают место кострищ, чёрные — столбов. Кружок посредине шалаша — большой костёр. В то время люди пользовались кремнёвыми орудиями и ладьевидными чашами. Внизу вы видите план «длинного дома», открытого тоже около Джанбас-Кала, и чашу, которая принимает уже более совершенную форму.

А на остальных очагах, разбросанных между столбами дома, хозяйки готовили еду, оттого там такая грязная зола и вокруг валяются кости. Очагов много,— значит, и хозяек было много. И все эти женщины с их мужьями и детьми составляли одну, связанную родством общину. Община была немаленькая: человек сто или даже больше. Потому и пришлось людям построить такой просторный дом. Но с виду этот дом всё ещё напоминал тот круглый шалаш с остроконечной кровлей, от которого он произошёл.

От входа к неугасимому огню вёл между двумя рядами столбов длинный проход. Справа от прохода располагались кухонные очаги, а слева была свободная площадка. Зачем нужна была людям эта площадка? Чтобы это понять, учёным пришлось вспомнить о тех общинных хижинах, которые были найдены вдали от Средней Азии, на Андаманских островах. Там на такой площадке устраивались магические пляски и исполнялись различные обряды.

Тут же, слева от прохода, у стены, учёные нашли в доме рыболовов следы совсем маленьких очагов. Здесь, должно быть, жили не семейные, а холостые люди.

Так по немногим остаткам учёным удалось восстановить мысленно дом рыболовов.

В своей книге «Древний Хорезм» С. П. Толстов рассказывает и о других домах, развалины которых он нашёл среди песков Средней Азии. Это были сооружения, напоминавшие размером скорее город, чем дом.

Мощные глиняные стены длиной в несколько километров ограждали с четырёх сторон огромную пустую площадь. Люди, составлявшие общину, жили внутри стен, в сводчатых коридорах с маленькими окнами в потолке.

С первого взгляда казалось непонятным, почему тысячи людей ютились в тесных, полутёмных коридорах, а площадь посредине оставалась пустой. С. П. Толстов даёт этому простое объясне-

ние. Дома с жилыми стенами начали строить в те времена, когда для хорезмийцев главным богатством стал скот. Четырёхугольная площадь служила загоном для многочисленных стад. А стены с бойницами и сторожевыми башнями защищали это богатство от вражеского нашествия. Когда нападал враг, все жители дома-крепости занимали места у бойниц и засыпали стрелами неприятельских воинов.

Но богатство, которое они сообща защищали, уже не было общим достоянием. Все здесь были в родстве между собой. Но у некоторых семейств было больше овец, быков и коней, чем у других.

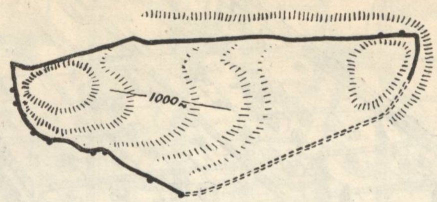
Древние легенды свидетельствуют, что слово «богатый» уже появилось тогда в языке. Говорили не просто «богатый», а «богатый стадами», «богатый конями». Каждый новый набег на чужую крепость умножал стада вождей военных дружин, увеличивал расстояние, отделявшее богатого от бедного.

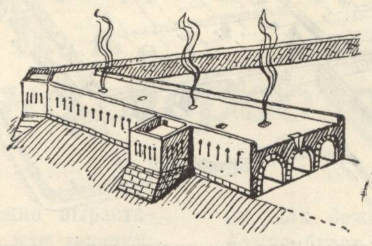
С. П. Толстову и его сотрудникам удалось найти среди песков и более поздние дома и города крепости.

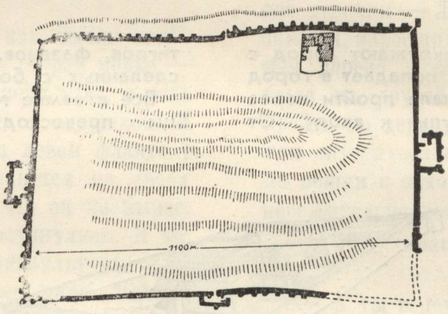
Это была большая и трудная работа, продолжавшаяся много лет. На горбах верблюдов, на автомобилях, на лодках, на самолётах странствовали советские учёные, разыскивая следы давно исчезнувшего мира. Иной раз с горба верблюда или с холма видны были только бугры, одетые серой коркой солончаков. Но стоило подняться над пустыней на самолёте, и внизу обнаруживался чёткий план стен, улиц, больших, общинных домов.

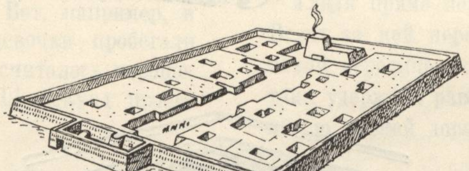
Сравнивая все эти найденные ими дома и города, учёные словно читали книгу о том, как совершался переход от первобытно - общинного к рабовладельческому строю.

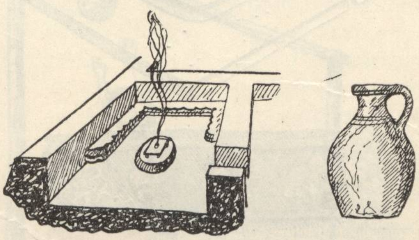
Вот дом-шалаш рыболовов около Джанбас-Кала. Здесь нет ещё богатых и бедных. Все очаги одинаковы, все люди равны, потому что одинаково бедны. Дом не укреплён. Тут нет богатств, которые надо было бы охранять.

На двух верхних рисунках изображены план треугольного городища с жилыми стенами в Кюзели-Гыр и вид реконструированной жилой стены; ниже — план городища в форме прямоугольника. Внизу — крепость в Джанбас-Кала и «дом огня». К тому времени люди умели уже делать кувшины.

Недалеко от этой стоянки, тоже около Джанбас-Кала, учёные нашли остатки «длинного дома», построенного из глины. В двух коридорах длиной в пятьдесят метров были цепочкой расположены очаги. Этот дом тоже ещё не укреплён.

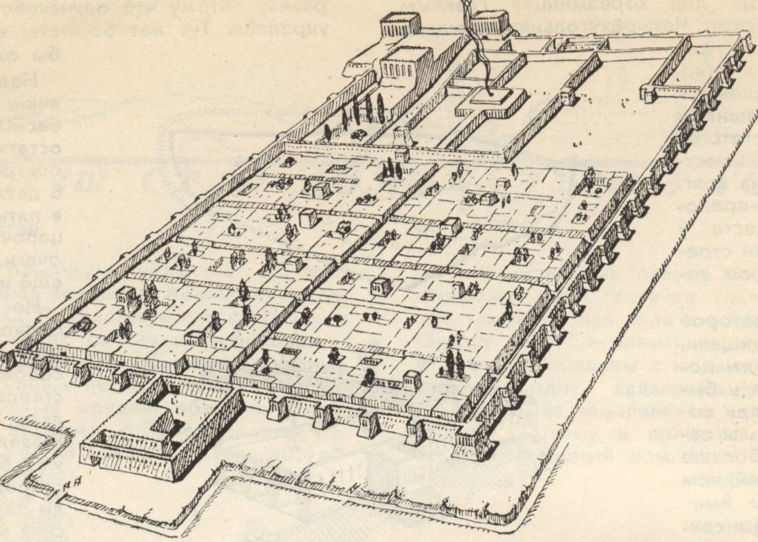
Но вот проходят века. Несколько «длинных домов» срастаются между собой, окружая жилой стеной огромный пустой двор. Таков дом-загон Кюзели-Гыр. Здесь есть уже бойницы в стенах и сторожевые башни. Люди защищают от вражеских набегов свои стада. Но они и сами непрочь напасть на соседей, чтобы поживиться чужим добром. Тут одни семейства богаче других. Но это ещё не бросается в глаза археологу, ведущему раскопки. Он догадывается об этом неравенстве, изучая старинные легенды, книги древних историков, обычаи народов, живущих в других странах и частях света.

Следующая ступень — крепость Джанбас-Кала. Четырёхугольное пространство внутри стен застроено двумя громадными, многокомнатными общинными домами. Между этими двумя домами идёт улица к «дому огня». Древний очаг, на котором в шалаше рыболовов горел неугасимый огонь, здесь превратился в храм.

В крепости живёт уже не один род, а две группы родов. И каждая группа занимает отдельный дом. Загона здесь нет, потому что главное занятие жителей — уже не скотоводство, а земледелие.

Около крепости лежат поля, изрезанные оросительными каналами. Крепость защищает эти поля и каналы от кочевников.

И вот ещё более поздняя ступень. В крепости Топрак-Кала уже не два дома, а около десятка многокомнатных домов.

Так выглядела крепость Топрак-Кала. Вы видите тут и «дом огня», и лабиринт, защищающий подступы к входу, и трёхбашенный замок правителя города.

Могучие стены с башнями окружают город с четырёх сторон. Из ворот гость попадает в город не сразу: ему приходится сначала пройти через лабиринт, защищающий подступы к входу. От входа из конца в конец города идёт главная улица. По обеим её сторонам большие родовые дома с сотнями комнат, с башенками, с внутренними двориками. Главная улица ведёт к «дому огня» и к трёхбашенному величественному замку правителя города.

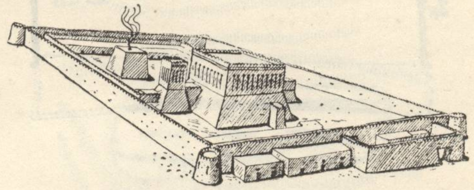
От всего этого остались сейчас только развалины, занесённые песком и глиной. И нашим учёным пришлось немало поработать, чтобы восстановить облик города.

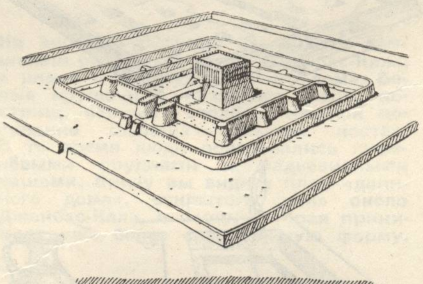
Находки вознаградили их за труд. Особенно много интересного было найдено в трёхбашенном замке. На стенах парадных комнат сохранились остатки росписи, сделанной руками искусных мастеров. Здесь, среди безлюдной пустыни, учёные увидели вдруг словно ожившие картины прошлого: девушку с арфой, сборщицу винограда с корзиной на голове, мужчину в чёрном кафтане, женщину в белом платье, лошадей, тигров, фазанов. Нашли и обломки статуй, тоже сделанных с большим мастерством.

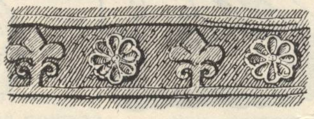
Всё в замке говорило о том, что его владельцы превосходят богатством и знатностью остальных жителей города. Да и самый замок, грозно возвышавшийся над другими домами, всем своим видом показывал, что обитатели его — не чета другим.

Здесь жил со своей семьёй и рабами хорезмшах—властитель страны. Топрак-Кала — это столица государства Хорезм. У хорезмшаха было войско, которое помогало ему держать в повиновении рабов и бедноту, охранять права богатых и знатных семейств, распоряжаться постройкой оросительных каналов. Чтобы построить большой оросительный канал, требовался труд тысяч рабов. Не одна крепость, а много крепостей охраняли в Хорезме поля, каналы, крестьянские дома.

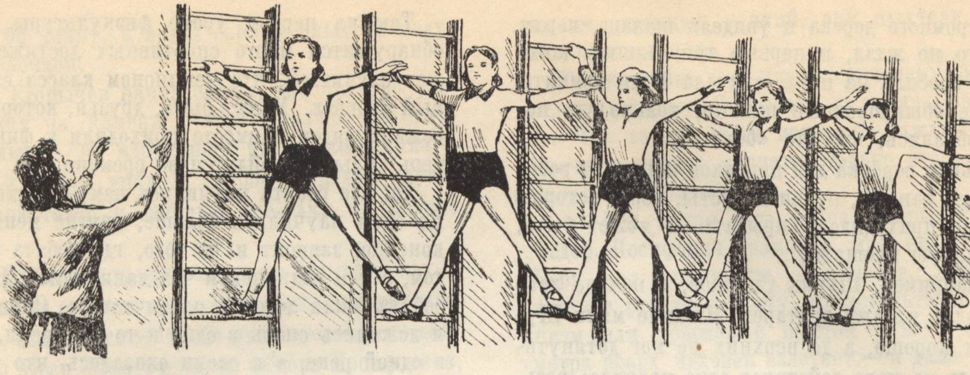
Так, путешествуя через тысячелетия, наши учёные собственными глазами увидели, как шалаш превратился в дом, а дом—в город, как община равных людей стала рабовладельческим государством.

Крепость Тешик-Кала (верхний рисунок) относится к более позднему периоду — к началу феодализма. В этот период возникает совершенно новый тип поселений — замки. Один из таких замков — Якке-Парса — показан на нижнем рисунке.

Накануне первого урока

Н. Розенкноп

За лето ребята почему-то особенно вырастают. Трудно найти такого мальчика или девочку, которые, приехав домой, не услышали бы от бабушки или от соседей:

— Ого, как ты вырос! Вот как вытянулся!

И действительно, подойдёшь к старой мерке — и увидишь её как раз против своих глаз, а ведь была она, когда уезжал, наравне с макушкой. И хотя тот, кто стоял в строю на левом фланге в классе, быть может, так и останется на своём месте, но это вовсе не значит, что он не вырос. Нет, просто все выросли, все вытянулись. И то, что в прошлом году на уроке физкультуры было хорошо, в этом году будет уже мало. Ведь с каждым годом ученик должен бегать быстрее, прыгать дальше и выше, быть смелее, сильнее, лучше владеть своим телом. Вот, например, в прошлом году в 5-м классе девочки пробегали 50 метров за 11 секунд, и это считалось хорошо. А теперь извольте за те же 11 секунд пробежать 60 метров.

И вот на первом уроке физкультуры, когда все построятся по своему новому росту, учитель, наверно, захочет узнать, как подготовились ребята к 6-му классу. Конечно, он ничего не задавал им на лето, но уж такая это чудесная наука — спорт, каждый готов ею заниматься.

И всё то, что было летом, теперь повторится немного иначе здесь, в классе. Можно будет взобраться по шесту, как взбирались летом на сосны. Можно будет взять старт у окна и бежать до двери, как бежали в лесу от берёзки к берёзке, можно будет пройти по буму, словно по дереву, перекинутому через овраг, как прошли однажды две девочки — Люся и Зина. Овраг был глухой, тёмный, заросший крапивой. Вывороченное с корнем дерево лежало, словно мост, вершина его была на другой стороне оврага. Можно было пройти по дереву, а можно было отыскать обход или спуститься вниз и перейти по дну. Девочки не пошли в обход и не полезли в крапиву. Зина нерешительно встала на круглый ствол дерева.

— Ой, страшно! — сказала она, взглянув вниз.

— А ты вспомни, как мы по буму шли!.. Ведь это — то же самое! Ну, пусти, я пойду первая!..

Глядя прямо перед собой, Люся быстро пошла. Вслед за ней перешла овраг и Зина. Только на самой середине она немного покачнулась, но всё-таки удержала равновесие. Потом девочки побежали по лесной дорожке, очень довольные, радостные. Приятно бывает, когда преодолеешь препятствие!..

Невысокий бум школьного зала, наверно, напомнит девочкам этот овраг и поваленное дерево.

Взбираясь на гимнастический шест, мальчики, быть может, вспомнят тот наблюдательный пункт, который они устроили во время военной игры. Шалаш, где находился штаб «противника», был так замаскирован травой и ветками, что вплотную подойди к нему, — не найдёшь. Но хитрые разведчики взобрались на вер-

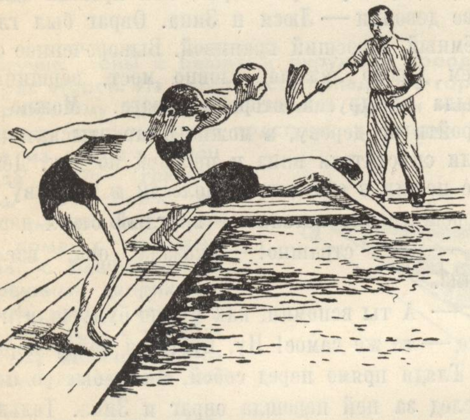
шину огромного дерева и увидели шалаш сверху. Их никто не ждал, и первые три шишки, которые они бросили на штаб, сначала были приняты за самые обыкновенные шишки, только уж потом разобрались, что это «бомбы».

Тоненькая верёвка для прыжков напомнит ребятам лесные канавы, ручьи и кусты, через которые им немало приходилось прыгать. А может быть, и футбольную площадку...

Вот, например, Шурик Спирков, в начале лета он считался плохим вратарём. Нижние мячи Шурик брал хорошо, а до верхних не мог дотянуться. А ведь на поле действует одно правило: возьми мяч! «Противники» знали его слабое место и всегда били в верхний угол. И всегда Шурик был запасным вратарём, ребята на него не надеялись. А вот сейчас — поглядите, как Шурик прыгает! Это уже не запасной, а настоящий вратарь!

Так на первом уроке физкультуры, наверно, обнаружится много спортивных достижений. Может случиться, что чемпионом класса станет новый человек. Может быть, друзья, которые всегда бежали рядом и вместе приходили к финишу, теперь сильно разойдутся во времени.

Да, все ребята научились чему-нибудь за лето. Но одни научились больше, другие меньше. Это, конечно, зависит и от того, где ребята жили летом, с кем водились и чем занимались. Но многие ребята жили летом в одном лагере. Они вставали и ложились спать в одно и то же время, плавали в одной реке, а к осени оказалось, что результаты у них совсем разные. Одни научились реку переплывать, а другие по пояс в воде стоят и дальше ни шагу. Отчего так бывает? В ответ на этот вопрос мне хочется рассказать вам об одном мальчике и одной девочке, которых я встретила в пионерских лагерях Ивановской области.

На реке

В пионерском лагере железнодорожников физкультурным руководителем был Фёдор Иосифович Зайцев. Это сильный и закалённый человек. Как истый спортсмен, он презирал закрытые окна и летом жил в брезентовой палатке около реки. Вставал Фёдор Иосифович на рассвете, ещё до горна, и в лёгком рыбачьем челне отправлялся удить рыбу. Плавал и нырял он превосходно, все ребята сбегались на его уроки плавания.

Мальчики в первом, старшем отряде подобрались подстать своему руководителю: все они любили спорт.

Однажды, когда дело уже шло к осени, зашёл разговор о том, кто из ребят чему научился за лето. Это было на берегу реки, и Фёдор Иосифович сказал:

— Ну-ка, ребята, покажите, чему вы научились.

— Я научился плавать! — сказал один мальчик, деловито снимая рубаху.

— Я могу саженками! — зашумели ребята.

— На спинке!

— Брассом!

— Я умею глядеть в воде!

И с каждым из этих возгласов на землю летели рубашки и майки. Наконец, все двадцать пять мальчиков остались в совершенно одинаковом костюме — в одних трусах. Вид у них был бравый: загорелые плечи, исцарапанные в походах ноги, сильные, мускулистые руки. Только один мальчик остался в рубашке, он не собирался лезть в воду.

— А ты?

— Я буду по бревну ходить.

— А плавать?

— Он не умеет, он не умеет! — закричали ребята. — Это уж такой человек!..

— Никакой не такой, — обиженно сказал мальчик. — Просто я не могу на воде держаться, меня на дно тянет...

Дружный смех раздался на берегу.

— Ясно, если не умеешь плавать, тянет на дно.

— А ты, Боря, войди в воду поглубже, — мирно проговорил другой мальчик, — войди в воду, встань лицом к берегу и колоти по воде руками и ногами. Главное — это оторвать ноги ото дна...

— Да, да, это — самое главное, — подтвердили все мальчики.

И каждый стал рассказывать, как он научился плавать. По-разному было дело.

Боря Кудрявцев первый раз переплыл реку на спине у отца, а в другой раз отец уж не поса-

дил его на спину, а велел самому плыть с надутой наволочкой.

Женя Егорычев начал с того, что чуть не утонул. Встал на камень в воде и начал хвастать будто плывёт, но вдруг нога его соскользнула с камня, и Женя упал в глубокую воду. Барахтался-барахтался и выплыл всё-таки на мелкое место.

Вова Пчёлкин сначала ходил по дну на руках, а потом начал отпускать то одну руку, то другую, наконец, отважился — и обе руки оторвал ото дна.

Много здесь было учеников Фёдора Иосифовича, они тоже рассказывали, как сначала страшно было, а потом научились — и всё пошло хорошо.

— Фёдор Иосифович,— сказал Игорь Митрофанов.— Мы уже остыли. В воду можно?

— Можно. Ты первый.

Игорь бросился в воду и поплыл кролем. Потом Боря Кудрявцев сажёнками. Потом один мальчик, я не знаю его фамилии, лёг на спину и поднял над водой обе руки. Пятьдесят метров он проплыл, работая одними ногами. А потом начались уже менее красивые заплывы — среди брызг и всплесков плыли новички, те, кто только в этом году научился плавать. Каждый метр стоил им огромных усилий, они пыхтели, как маленькие катеры.

Только один мальчик попрежнему безучастно сидел на берегу. Я нет-нет, да поглядывала на него. Что за странная история! Каждый так или иначе научился плавать, только этого мальчика «вода не держит».

— Вот какая тут тайна,—серьёзно сказал Фёдор Иосифович, заметив моё недоумение.—У Бори нет решимости. Понимаете, любой спорт требует решимости. Ну, представьте себе альпинизм или прыжок с шестом — ведь на четыре метра вверх человек взлетает,—и даже ходьбу по буму или простую стойку на руках — тоже ведь надо решиться. Без решимости, без сильной воли спортсмена не может быть. А Боря никак не может решиться поплыть.

Вы, может быть, видели, как стоит лыжник на горе. Постоит, постоит и отойдёт, значит, нехватило духу. А ведь только и нужно было оттолкнуться палками... Так в каждом спорте есть один-единственный момент, когда нужно перебороть, победить себя. Потом уже всё пойдёт хорошо. Мальчики правильно сказали: надо оторвать ноги ото дна... Конечно, Боря — мой самый трудный ученик, но я уверен, что мне удастся и его научить плавать.

После поражения

История с Лидой Воронцовой, которую я сейчас расскажу, была в другом пионерском лагере, в лагере Меланжевого комбината. Я увидела Лиду в один из самых неприятных моментов её лагерной жизни, в момент поражения. Рослая, крепкая девочка размахнулась, и все поглядели вдаль — туда, где должна была упасть граната...

Но граната, привыкшая путешествовать на далёкий край площадки, упала у самых ног Лиды.

— Ребята, отойдите. Лида будет бросать ещё раз,—сказал Юра Заикин, отодвигая столпившихся ребят.

Юра Заикин был дежурным помощником судьи, у него на руке была надета красная повязка. Все ребята послушно отошли.

— Лида, ты не торопись. Размахнись во-всю и бросай, — сказал Юра.

Лида размахнулась, и граната отлетела на девять метров. Юра разрешил третью, последнюю попытку, но и она не принесла удачи.

А после Лиды маленькая девочка метнула эту же самую гранату на двадцать четыре метра. Вот как бывает в спорте! Большая, сильная девочка оказывается слабее девочки, которая ей даже до плеча не доходит. По правилам, этой малышке даже рано было давать гранату в руки. Это Юра не доглядел.

Как ни говори, а поражение никогда не проходит для человека бесследно. Одни выражают своё горе открыто, даже плачут, другие, наоборот, делают вид, что их это нимало не трогает, третьи обещают ещё показать свою силу... Но на сердце у всех неспокойно и неприятно.

По-моему, это совсем неважно, плачет или смеётся человек в такой момент. А важно то, как он будет вести себя после поражения. Вот почему мне захотелось узнать, что Лида будет делать дальше.

И вот, представьте себе, на другой день, когда мальчики сдавали нормы по метанию гранаты, Лида попросила, чтобы ей тоже разрешили.

— Да что ты, Лида! — заговорили мальчики. — Вчера не сдала, а сегодня сдашь? Ты потренируйся сначала.

— Нет! — сказала Лида. — Я сейчас сдам.

Это было настолько удивительно, что все придвинулись к площадке, и дежурному — не Юре, а другому мальчику — пришлось всех попросить отойти.

Лида размахнулась. Тому, кто видел Лиду вчера, сразу бросилась в глаза резкая перемена в её движениях. Вчера в метании участвовала только рука, а сейчас всё тело стремительно, вместе с гранатой, летело вперёд.

— Семнадцать с половиной! — крикнул дежурный, подняв гранату.

— Ого! Молодец! — раздались одобрительные возгласы.

Но Лида недовольно покачала головой:

— А я думала, что сдам. Полметра не докинула. Можно мне ещё раз?

Мальчики, заинтересованные таким блестящим успехом — подумайте, за сутки человек научился метать гранату, — снова уступили ей свою очередь.

— Девятнадцать! — сообщил дежурный, и секретарь судейской комиссии записал этот результат в протокол.

— Лида, как же так? Почему ты вдруг научилась? — бросилась к Лиде одна девочка. — У меня тоже не выходит. Я уже сто раз бросала!..

— Вот, смотри, — Лида встала в позу метательницы. — Когда бросаешь гранату, то часто откидываешься почему-то назад, а значит, и гранату с собой тянешь назад. Сначала у меня тоже так получалось. А вот если бросишься вперёд вместе с гранатой, тогда граната полетит в два раза дальше, ведь ты толкнула её не только рукой, но и всем своим телом.

— Откуда ты это узнала?

— Я попросила руководительницу физкультуры Анну Ивановну подсказать мне, в чём моя ошибка.

— А какая же у меня ошибка? — задумалась девочка. — Почему у меня не выходит?

— Вот это и надо выяснить, — сказала Лида.

Из этого короткого разговора я много узнала о Лиде. Она твёрдо решила добиться успеха и нашла свою ошибку. А ведь в этом и заключается суть тренировки. Именно в этом, а вовсе не в том, чтобы много раз подряд повторять одно и то же движение, как это делала другая девочка.

Заслуженный мастер спорта Николай Озолин — рекордсмен по прыжкам с шестом. Он прыгает выше всех спортсменов и всё-таки хочет прыгать ещё выше. Озолин решил выяснить, что мешает ему. Специальной съёмкой он сфотографировал свой прыжок от начала до конца и по этой маленькой учебной кинокартине изучил свой путь от взлёта до приземления.

Лида, наверно, и не знала о том, как тщательно и серьёзно изучают взрослые мастера спортивную технику. Но в тяжёлую минуту, после поражения, она нашла единственно верный выход: не отчаялась, а стала искать причину этого поражения. В спорте же, как и во всяком деле, побеждает тот, кто умеет учиться.

* * *

Эти две истории дают ответ на вопрос, который мы задали себе в самом начале: отчего, живя в одном пионерском лагере, ребята одного возраста и примерно одинаковой силы за лето достигли разных спортивных результатов.

Ответ прост: надо иметь желание, решимость, силу воли — и тогда ты поплывёшь, как поплыли по реке двадцать пять мальчиков; надо уметь тренироваться, учиться спорту — и тогда твоя граната полетит так же далеко, как у Лиды.

Впрочем, разве дело только в метании гранаты или в плавании? Нет, эти качества необходимы в любом спорте. Человек смелый, сильный, закалённый, решительный и умелый сможет преодолеть любые препятствия.

...Звенит звонок. Вниз, вниз по лестнице в физкультурный зал. Здесь вы будете целый год учиться — учиться выше прыгать, доставать высокие мячи, переходить через овраги, взбираться на гладкие стволы сосны. Прекрасная наука — спорт!

СОВЕТЫ СТАРШЕГО ВОЖАТОГО

С ЧЕГО НАЧАТЬ

Итак, юные друзья, наступила пора большого напряжённого и вместе с тем очень интересного труда. Энергичней принимайтесь за ваше главное дело — за учёбу.

Конечно, ваши школьные успехи зависят от прилежания и усидчивости. Но большую роль играет в этом и работа пионерских звеньев и отрядов. Чем содержательнее будет жизнь в вашем пионерском коллективе, тем больше нового вы узнаете, тем легче преодолеете любые затруднения.

Вот почему очень важно, чтобы с первого же дня занятий в школе зажили настоящей пионерской жизнью ваши звенья и отряды. И этого легко достичь, если каждый пионер будет дорожить честью своей пионерской организации.

Часто случается, что за лето ребята отвыкнут друг от друга и осенью первое время у них никак не клеятся пионерские дела. А известно, что

«Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт...»

Для того, чтобы ваш отряд уже с начала учебного года стал дружной пионерской семьёй, принимайтесь за дело сразу, без раскачки. Не откладывайте первые сборы отрядов и звеньев. Устраивайте их в самом начале занятий.

Пионеры 6-го класса одной из вологодских школ устроили в прошлом году к своему первому сбору очень интересную выставку «Наше пионерское лето». Глаза разбегались при виде всего, выставленного в комнате. Ребята принесли на выставку выращенные ими овощи и фрукты. На стенах были развешены собранные коллекции насекомых и лучшие рисунки юных художников. Все с интересом разглядывали составленные несколькими пионерами в лагере гербарии и альбом фотоснимков, сделанных любителями. Витя Казанцев и Коля Светлов нарисовали по маленькому плакату «Я прочитал за лето эти книги». На плакатах были изображены обложки около двадцати книг. А сколько увлекательных записей и зарисовок нашли мы в дневнике юных путешественников этого отряда! Устройство выставки пионерских достижений не отняло много времени у ребят, зато быстро сплотило их всех в единый крепкий коллектив.

Пионерскую организацию недаром называют самодеятельной. Там, где пионеры инициативны, сами всегда затевают хорошие дела, — там в отрядах жизнь бьёт ключом. В таких случаях много значит совет отряда. Это должны быть самые бойкие, энергичные, деловитые ребята.

С 1 по 15 сентября по всем дружинам будут проходить отчёты и выборы вожатых звеньев и советов пионерских отрядов. Вот и избирайте своими вожаками самых энергичных пионеров, которые хорошо учатся и у которых слово не расходится с делом.

Чтобы сбор звена и отряда, на котором вы будете выбирать вожаков, прошёл интересно, пусть каждый из вас заранее подумает и обязательно внесёт хоть одно предложение в план будущей работы. К этому дню можно приурочить и выставку и выпустить первый номер стенной газеты. Только не превращайте своих сборов в сухие, скучные собрания. Пусть пионеры на своих сборах выступают и с художественной самодеятельностью, с гимнастическими упражнениями, поют песни. Кстати сказать, у хорошего вожатого звена и председателя совета отряда почти на всех сборах ребята поют и играют.

Не забудьте, чтобы на этом сборе в дневник отряда были записаны все до одного предложения, которые внесут пионеры. В дневнике отряда 5-го класса одной из куйбышевских школ мы прочли следующие пожелания, высказанные на сборе-отчёте:

1) всем до одного выучиться ходить на лыжах и устроить за городом игру на лыжах (предложил Миша Козлов);

2) ходить вместе смотреть кинокартины и потом спорить о них в классе (предложил Никита Олейников);

3) провести сбор «Книги, которые мне больше всего понравились», а ещё провести сбор о знаменитых русских путешественниках (предложил Гриша Синицын);

4) устроить в классе зимний сад; в «Вожатом» № 10 за 1948 год есть описание такого интересного сада (предложил Борис Скворцов).

Много ещё разных полезных и увлекательных дел предложили пионеры этого отряда. Интересно знать, чем бы хотелось заниматься в звеньях и в отрядах вам? Напишите нам об этом.

Надежда Константиновна Крупская очень любила пионеров. Часто с ними встречалась, писала им письма, советовала, как нужно жить, чтобы оправдывать высокое звание юного ленинца. В одном письме к пионерам она писала:

«Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать».

Надежда Константиновна мудро заметила, что общественная работа воспитывает у пионеров сознательную дисциплину, сплачивает их, учит ближе узнавать и уважать друг друга, помогает лучше работать и учиться.

А ведёт ли ваш отряд общественно-полезную работу? Задумываетесь ли вы над тем, чем можете помочь улучшению окружающей жизни? Кругом так много дел, к которым всегда можно приложить пионерские руки. Может ли, например, боевой, деловитый пионерский отряд забыть, что осень — золотая пора для посадки деревьев? Продолжать благоустраивать школьную усадьбу, активно участвовать в посадке деревьев на улицах, во дворах — всё это дело пионерской организации. Зайдите в ближайший детский дом или в библиотеку и спросите: «Чем может вам помочь наше пионерское звено, наш пионерский отряд?».

Вот во многих ленинградских школах пионеры 5-х и 6-х классов заботятся об учащихся-малышах, начиная с первого дня их прихода в школу. Пионеры заранее готовят первоклассникам подарки: строгают для них счётные палочки, рисуют цветную азбуку, украшают их классы, знакомят со школой и распорядком дня...

Всё это настоящие пионерские дела, которые хочется посоветовать и вашему звену и отряду. Славными пионерскими делами и отличной учёбой встречайте новый учебный год!

В подарок школе

Н. Цейтлин

Перед тем как читать эту страницу, загляните на четвёртую полосу обложки. На ней изображены различные коллекции, изготовленные самими школьниками. Почти все ребята что-нибудь собирали летом: одни — жуков и бабочек, другие — минералы, третьи — растения. Из всего, что вы собрали, можно изготовить прекрасные коллекции. И, если вы хорошо их оформите, они много лет будут служить наглядными пособиями на уроках.

На четвёртой полосе обложки показаны такие коллекции.

1. Коробка с бабочками (рис. 1). Конечно, так можно оформить и коллекцию всяких других насекомых. Коробку можно сделать самим. Но проще взять готовую коробку из-под конфет или печенья. Чтобы коробка была прочнее, вырежьте из картона, точно по форме коробки, прямоугольник, и наклейте его на дно изнутри. Стенки коробки подрежьте, если они высоки, и тоже укрепите, подклеив изнутри полоску картона на 1—1,5 мм у́же стенки. На выступ, который образует полоска картона, должно опираться стекло. Дно оклейте плотной белой бумагой, приклейте к нему пробки и укрепите насекомых тонкими булавками.

Сверху на дно приклейте полоску бумаги с названием коллекции, а внизу справа — этикетку (на нашем рисунке она не видна). Подле каждого насекомого подпишите или приклейте номер, под которым оно описано в этикетке.

Закройте коробку чистым стеклом и окантуйте верхние её рёбра полосками переплётного коленкора, гранитоля или плотной бумаги тёмного цвета. Снаружи стенки коробки оклейте тёмной бумагой. Коллекцию мелких насекомых очень хорошо сделать в коробке из-под фотопластинок. Для неё не нужно резать стекло — можно взять старую отмытую пластинку.

2. Коллекция семян. Так можно изготовить коллекции самых различных мелких семян. Как их делать, видно на рисунке.

3. Коллекция песка. Для коллекций песка, семян, удобрений и других сыпучих тел удобно воспользоваться пробирками. Пробирки укрепляются при помощи горячего столярного клея с небольшой добавкой мелких древесных опилок в отверстиях, просверлённых в деревянном брусочке. С задней стороны к этому брусочку приклеивается дощечка, окрашенная в такой цвет, чтобы на её фоне хорошо выделялось содержимое пробирок.

4. Коллекция на окантованном картонном или фанерном листе. Тут нужно обратить особое внимание, чтобы экспонаты были прикреплены прочно. Они приклеиваются к таблице или пришиваются крест-накрест прочными суровыми нитками или тонкой проволокой.

5. Гербарный лист. Для гербария нужно брать плотную бумагу. На обложке показано, как приклеивается растение при помощи узких полосок бумаги. Растения можно пришивать и нитками, приклеивая концы нитки на обороте листа.

Этикетка приклеивается всегда внизу, справа. На ней крупным шрифтом нужно написать название растения и семейства, к которому оно принадлежит. Время и место сбора можно указать на обороте листа.

6. Раздаточная коллекция, как вы видите на рисунке, состоит из отдельных экспонатов, укреплённых на картонных табличках или дощечках.

Коллекцию листьев можно окантовать под стекло; для этого хорошо взять старые фотопластинки, смыв с них горячей водой или тёплым содовым раствором эмульсию. Чтобы рассматривать лист с двух сторон, можно окантовать его между двумя стёклами.

Такой коллекцией очень удобно пользоваться на уроках, передавая экспонаты с парты на парту.

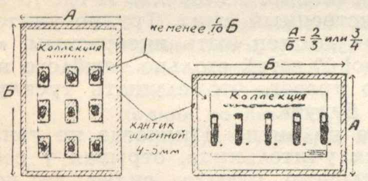
На самом верху обложки вы видите красивое панно из сухих листьев и цветов. Такие панно очень украсят ваш класс или пионерскую комнату.

Вы видите, что все эти коллекции совсем нетрудно смонтировать и оформить. Но для того, чтобы они выглядели красиво и чтобы ими было удобно и приятно пользоваться, их надо делать очень аккуратно. Особенно будьте аккуратны при окантовке. Если вы её сделаете плохо, вся ваша работа будет выглядеть неряшливой и грязной.

КАК ОКАНТОВАТЬ ТАБЛИЦУ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИИ!

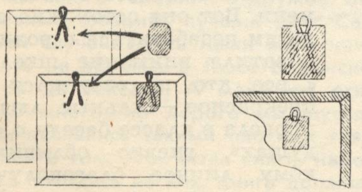
Выберите подходящий лист картона и расположите на нём нужные вам экспонаты. Но не располагайте их слишком тесно, по краям оставьте чистые поля. Наиболее удобная форма таблицы — прямоугольник, стороны которого относятся, как 2 : 3 или 3 : 4. Ширина полей должна быть не меньше $^1/_8$ или $^1/_{10}$ части длинной стороны таблицы.

Оклейте сначала продольные, а затем короткие края таблицы узкими, шириною в 20—35 мм, полосками тонкой, но плотной бумаги тёмного цвета.

Заготовьте два прямоугольных листа бумаги: белой, чертёжной — для оклейки лицевой стороны таблицы — и цветной — для оклейки её оборотной стороны. Эти листы должны быть на 10—12 мм меньше картонного листа, чтобы по краям таблицы оставались кантики шириною в 5—6 миллиметров. Намажьте оба листа клейстером и наклейте их на картон. Заверните таблицу в газету и положите для просушки под пресс.

Для подвешивания таблицы на стену у верхнего её кантика с оборотной стороны приклейте одну или две петельки из узкой тесьмы или хлопчатобумажного шнурка, как показано на рисунке.

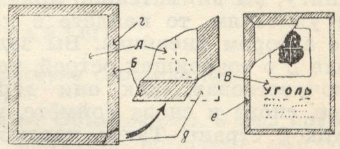
На больших, тяжёлых таблицах петлю нужно закреплять прочнее. Поэтому концы тесьмы или шнурка длиною в 12—15 см проденьте в прорезь, сделанную в картонном прямоугольничке, разведите их немного в стороны и приклейте. Затем этот прямоугольничек наклейте на оборотную сторону таблицы.

Экспонаты можно либо приклеить на таблицу либо сначала закрепить их прочными суровыми нитками или тонкой проволокой на небольших, оклеенных бумагой картонных прямоугольничках, а потом наклеить последние на таблицу.

ОКАНТОВКА ТАБЛИЧКИ ДЛЯ РАЗДАТОЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Для этой коллекции возьмите небольшую картонку, размером 13 × 18 см (на нашем рисунке она обозначена буквой *А)*.

Из цветной бумаги тёмного цвета заготовьте прямоугольник (*Б*) немного больше картонной таблички, размером 16 × 21 см, а из плотной белой бумаги — прямоугольник (*В*) меньше таблички — 12 × 17 см. Наклейте картонный прямоугольник на изнанку листа *Б* так, чтобы со всех сторон остались полоски (*г*) одинаковой ширины.

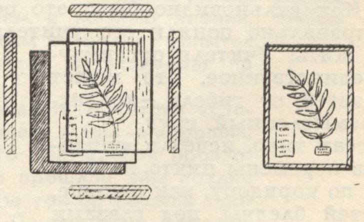

По углам листа (*Б*) вырежьте четырёхугольнички (*д*), как показано на рисунке. Намажьте полоски (*г*) клеем и приклейте их на лицевую сторону таблички. На ту же сторону аккуратно наклейте заготовленный ранее белый лист *(В)* так, чтобы со всех сторон образовался кантик (*е*) одинаковой ширины.

ОКАНТОВКА ПОД СТЕКЛО

Для окантовки под стекло гербарных листов, панно из засушенных цветов и листьев, зарисовок, схем и таблиц можно взять обыкновенное оконное стекло. Лист бумаги, на котором смонтированы экспонаты, положите между стеклом и листом плотного картона или фанеры. Стекло должно быть чуть-чуть, на 1—2 мм, больше листа с экспонатами и картона.

Заготовьте четыре полоски переплётного коленкора или тонкой плотной бумаги шириной в 25—45 мм — в зависимости от величины листа и толщины стекла и картона. Обрежьте концы у коротких полосок, как показано на рисунке.

Намажьте края стекла тёплым столярным клеем, синдетиконом или универсальным конторским клеем и приклейте полоски сперва к длинным, а затем к коротким сторонам стекла так, чтобы образовался узкий кантик одинаковой ширины. Хорошенько притрите этот кантик к стеклу. Прижав картон к стеклу, осторожно переверните таблицу стеклом вниз и приклейте полоски на картон.

КНИГА О МУЖЕСТВЕ

М. Прилежаева

Это очень простая и скромная книга, обыкновенный дневник. Автор дневника знаком вам и близок, ребята. Правда, не все вы знали лично учительницу Ксению Владимировну Ползикову-Рубец, которая в своей книге день за днём рассказала о героической жизни, борьбе и учёбе ленинградских школьников во время блокады города, но если, прочитав её книгу, вы внимательно присмотритесь к своим учителям, то найдёте в них много общего с автором дневника. Вы задумаетесь и о школе и о товарищах острей, чем всегда, вдруг почувствовав, как они дороги вам. А главное, снова и снова поймёте, что живёте в великой стране! Такие хорошие, благородные мысли и чувства будят эти записки учительницы!

Книга рассказывает о Родине в грозные дни испытаний.

Война. Смертельная опасность нависла над Ленинградом, город блокирован. В нём осталось много детей, ваших сверстников: Юра Булатов, Вася Галушин, Заполевский, Юра Артюхин, Лида Косякова, Галя Ширкевич и сотни других.

С первых дней войны школьники мобилизовали себя на защиту родного города. Они слишком юны, чтобы держать винтовки в руках, но с каким жаром, энергией они работают в госпитале, собирают цветной металл, как бесстрашно гасят «зажигалки» и раскапывают после бомбёжки развалины!

В книге нет вымысла. В ней рассказана правда о ваших товарищах, умная, верная, честная правда!

Наступают суровые месяцы: лютая зима, голод, обстрелы. Всё теснее сжимается кольцо блокады. Город стал фронтом. В эти-то дни Ленсовет принимает решение о занятиях в школе. Как дальновидно было это решение и как правильно поняли его учителя! Дети должны жить! Учителя организуют то единственное, что может спасти детей от гибели,—коллектив и осмысленный труд.

В классах тихо, исчезли «шпаргалки», в перемены никто не пробежится по коридору, как раньше, лица детей бледны, под глазами страшные, синие тени. Но дети учатся, и в том, что они учатся,—вызов врагу, воля к победе и жизни, сама победа! Если мальчик наперекор жестокому голоду, стуже, обстрелам продолжает оставаться отличником в классе,—он победитель. Таков Юра Артюхин, комсомолец, верный помощник учителей, организатор общественной жизни школы, один из первых школьников, награждённых медалью «За оборону Ленинграда». А вот ученик Заполевский: голод качает его, как ветер былинку, но мальчик делит с товарищем свою скудную порцию супа. Так проверяется дружба! Или тимуровки Лида Косякова и Галя Ширкевич, или Люся Шилинская, школьница-фронтовичка. Их много!

«Они учились в Ленинграде» — книга о доблести, бесстрашии, мужестве обыкновенных советских школьников, о том, как из них вырастают герои, и о том, кто воспитывает этих героев. Автор скупо и сдержанно раскрывает в дневнике себя, и, однако, на страницах книги во весь рост встаёт пленительный образ советской учительницы.

В классах давно не топлены печи. Чернила покрываются коркой тёмнолилового льда. Стены вздрагивают при близких разрывах снарядов. Никто не знает, ждёт ли его дом по возвращении из школы. И где-то на фронте единственный сын... Трудно учительнице! Но урок должен быть интересным. «Ох, как это надо! У детей столько тяжёлого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь они не будут».

Никто не видит и никогда не узнает, как пожилая учительница, отрывая у себя часы спасительного отдыха, сидит до полуночи над книгами в холодной, как прорубь, комнате, готовясь к уроку. Зато завтра её ученики забудут о голоде и оживлением засветятся их запавшие, строгие глаза.

Вчитайтесь, дети, внимательней в те страницы, где учительница описывает свой труд.

Умное сердце Ксении Владимировны подсказывало ей: надо поддержать бодрость в ребятах, сберечь на детских лицах улыбку. И она мобилизует все свои силы, чтоб разбудить в классе смех. А между тем с тактом, равным таланту, неустанно делает великое дело воспитания молодого советского племени. Вот она осторожно советует детям позаботиться о родных. Вот обратила внимание школьников: «...все, кто не разучился видеть прекрасное,—сильные люди». Вот провела в классе беседу о «мелких душах», гневно обличила тех, кому личное благополучие дороже жизни народа и Родины. Весь её воспитательный труд, уроки, вся жизнь подчинены благородному замыслу: сохранить не

только физическую жизнь детей, но и закалить их душевно, вырастить мужественных, стойких советских патриотов.

Таков был долг учителя в грозные годы войны. Этот долг с честью выполнен.

За то, что советский учитель в тяжких условиях войны сумел сберечь и воспитать коллектив детей, достойный уважения, весь наш многомиллионный народ говорит ему — спасибо!

Скажите же и вы, ребята, спасибо своим учителям.

Друзья книги

Вот уже два года каждую субботу в читальном зале детской библиотеки Дворца культуры Автозавода имени Сталина собираются члены кружка «друзей книги» — двадцать восемь пионеров 5—7-х классов ближайших школ. Ровно в семь часов вечера в зал входит руководительница кружка, заведующая детской библиотекой Елена Борисовна Кокина, и занятия начинаются. На них никто не опаздывает. Их никто не пропускает без уважительной причины.

За что же так любят ребята свой кружок? Чем они там занимаются? Об этом расскажут нашим читателям члены кружка «друзей книги». Предоставляем им слово.

КАК ВЫ ЧИТАЕТЕ!

На первом же занятии кружка Елена Борисовна спросила нас:

— Скажите, ребята, как вы читаете книги?

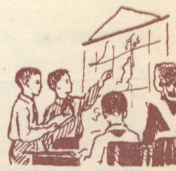
Мы переглянулись. Что значит «как читаем»? Обыкновенно. В наш кружок вошли только те ребята, которые уже давно и аккуратно посещают детскую библиотеку. Все мы очень любим книги, и читали много, или, как у нас говорят, глотали книги. Я, например, придя из школы, всегда тороплюсь сделать уроки, чтобы скорее взяться за книгу. Кончу одну, берусь за другую.

Но Елена Борисовна объяснила нам, что читаем мы неправильно. Надо с детства приучить себя читать внимательно, не пропуская ни строчки. Если встречается незнакомое слово, заглянуть в словарь, запомнить его значение и как оно пишется. Закончив книгу, подумать, разобраться в прочитанном, написать отзыв, чтобы чётко изложить свои мысли. И только после этого можно браться за следующую книгу.

Так мы начали заново учиться читать. На занятиях кружка подробно обсуждали новые книги, учились писать отзывы. Мы вскоре почувствовали, как развилась наша речь, уменье глубже понимать и оценивать поступки героев. Кружок помогает нашим занятиям в школе. Я не стала делать ошибок в контрольных работах. Когда мы проходили по литературе повесть Пушкина «Дубровский» и нужно было дать характеристику Троекурова, я легко написала её и получила пять.

Люся Волынская

НАШ ДРУГ И ПОМОЩНИК

Кружок много помогает нам в ученье. И не только по русскому языку и литературе. Вот, например, в прошлом году мы обсуждали книгу Богданова «В побеждённой Японии». Вначале она всем нам не очень понравилась. Но когда на занятиях кружка мы прочли её более внимательно, принесли в читальный зал географическую карту, порылись в словарях, в энциклопедии, мы заинтересовались этой книгой и узнали много нового. Книга познакомила нас с общественным строем и жизнью Японии, с захватническими войнами японских империалистов, с бесславным концом их попыток напасть на Советский Союз. Все эти вопросы стояли в билетах на экзаменах по географии, и мы смогли хорошо на них ответить.

Но книга помогает нам не только в ученье. Обсуждая повесть Мусатова «Стожары», мы много говорили о дружбе. Всем нам очень понравилась Маша — хороший, внимательный товарищ, лучший друг Сани и Феди. После этого обсуждения произошёл такой случай. Пусть наши мальчики не обижаются — дело прошлое. Мы поздно засиделись на кружке, а Люсе Волынской нужно было ехать за город. Решили проводить её до вокзала. А мальчики отказались идти с нами. Пошли одни девочки. Нас было много, по дороге мы шутили, смеялись. Но было неприятно, что наши мальчики оказались такими плохими товарищами. На следующем занятии кружка мы заговорили о том, что, читая книги, надо не только разбирать характеры героев, но и стараться походить на них. Книга должна стать нашим лучшим помощником и другом. Мальчикам было очень стыдно, и они тут же извинились перед нами и перед Люсей. С тех пор мы живём всё время дружно.

Рая Прокофьева

КНИГИ ОТКРЫВАЮТ НАМ НОВЫЙ МИР

На одном из занятий мы разговорились о книге Курочкина «Бригада смышлёных». Решили прочесть её и написать своё мнение. Я был доволен. «Бригаду смышлёных» я прочёл несколько раньше. Книга понравилась. Но собраться с мыслями и написать отзыв я не смог, потому что читал её, как всегда, перескакивая «с пятого на десятое», в поисках «самого интересного». Пришлось перечитывать снова — теперь уже медленно, вдумываясь в события, делая выписки. Повесть меня увлекла. Особенно настоящая, крепкая, не боящаяся никаких испытаний дружба ребят с Егором, которая помогла не только Чугунку, но и Алёшке выравняться и стать членами хорошего, дружного коллектива. На этот раз отзыв написать мне было легко.

Я понял, что раньше в книгах меня больше всего интересовало, как развивается сюжетная линия, а не характеры героев. Пейзаж и всякие отступления от непосредственного действия меня вовсе не трогали. Книга была только развлечением и отдыхом. Я никогда не замечал в ней мира, полного живых людей с их особенностями и переживаниями.

С тех пор прошло много времени. Но независимо от того, должен ли я писать отзыв или нет, я читаю книгу внимательно, а не поверхностно.

Рудольф Ботнер

ВО ВРЕМЯ КАНИКУЛ

Много интересного бывает у нас во время каникул. В январе мы встретились с писателями Носовым и Мусатовым, автором повести «Стожары». Они рассказали нам, как пишут книги, как знакомятся с ребятами, прототипами своих будущих героев. Писатель Носов прочёл нам отрывки из книги «Весёлая семейка».

Был у нас и вечер для актива детской библиотеки. Мы читали в лицах басни Крылова, юмористические стихи. Задавали ребятам вопросы в таком роде: какой из великих писателей был современником и Пушкина и Горького? У каких двух великих писателей есть повести с одинаковым названием? Вопросов было много! На одни отвечали тут же, хором. Над другими приходилось задуматься...

А в дни весенних каникул, во время «Недели детской книги», мы были участниками большой читательской конференции школьников нашего района. Мы начали готовиться к ней ещё зимой. У нас была очень интересная тема: «Великие русские учёные-патриоты». Мне лично она особенно нравится. Я люблю читать научные книги.

К читательской конференции я подготовил доклад об академике Ферсмане, крупнейшем русском учёном, основателе новой науки — геохимии. Другие члены нашего кружка «друзей книги» готовили доклады о Павлове, Мичурине, Лысенко. Эту конференцию мы долго не забудем.

Летом все, кто оставался в городе, попрежнему по субботам собирались в библиотеке: спорили о прочитанных книгах, выпускали стенную газету, ходили на экскурсии.

И вот теперь мы снова в нашем читальном зале. Здесь ждут нас новые книги — наши новые друзья.

Лёва Рожков

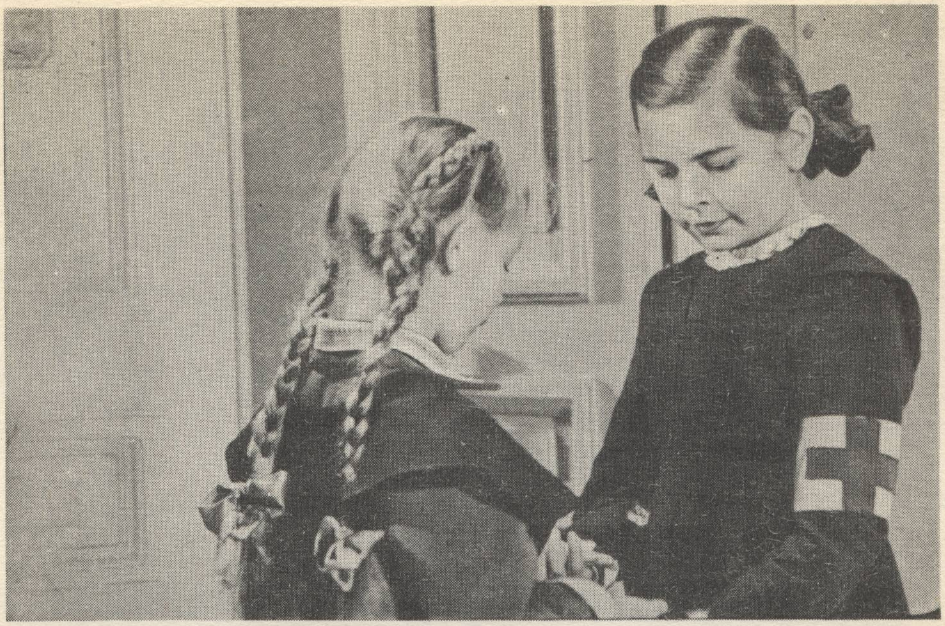
СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: картина лауреата Сталинской премии А. ЧУЙКОВА „Дочь Советской Киргизии“.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 27/VIII—49 г. Изд. № 632. 82×110. 1/16 бум. листа.
А — 09538. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ № 2025.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Ребята! Вы все, наверное, слышали про Владимира Ворошина, помощника мастера московского комбината Трёхгорной мануфактуры.

По почину Ворошина поднялось движение за чистоту и культуру на производстве. Это помогло Трёхгорной мануфактуре досрочно выполнить пятилетний план.

Множество предприятий на советской земле подхватили почин Ворошина. Вы знаете, что чистота и порядок на производстве увеличивают производительность труда, улучшают качество продукции и сохраняют здоровье работающих.

Всё это относится и к вам. Культурная обстановка в школе, чистые и светлые классы помогают ребятам успешней учиться, лучше развиваться физически и быть здоровыми.

Боритесь за чистоту и порядок в школе!

Приходите на уроки, тщательно умывшись и причесавшись, вычистив зубы, в опрятной одежде и обуви. Вытирайте ноги при входе. Не сорите, не загрязняйте школьное помещение. Бумажки, объедки бросайте в урны.

Берегите школьную мебель, не царапайте, не ломайте её. Не крошите мел, классную доску вытирайте только влажной тряпкой: от сухой тряпки в воздух поднимается пыль. Она попадает в лёгкие людей и приносит вред здоровью.

На переменах все до единого выходите из класса в коридор. В это время классы должны быть хорошо проветрены. Следите за тем, чтобы во время уроков были открыты форточки в коридорах. Свежий, чистый воздух необходим для здоровья.

Берегите книги, как свои, так и библиотечные. Обёртывайте их бумагой. Держите тетради в чистоте. Не проливайте чернила, не пачкайте ими пальцы и учебные принадлежности.

Чем культурней обстановка в школе, тем легче школьникам учиться.

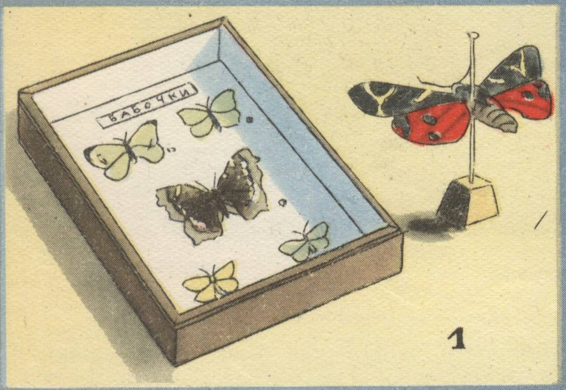
Следуйте примеру Владимира Ворошина!
Боритесь за чистоту и порядок в школе!

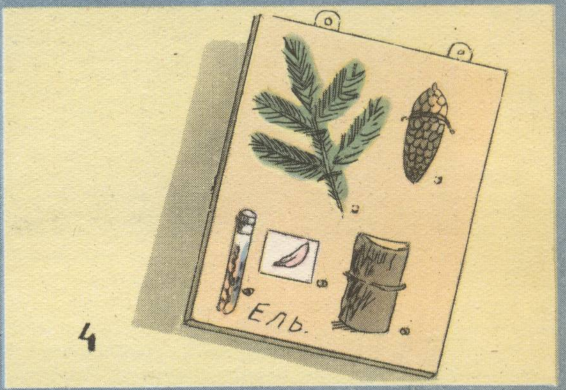
Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР

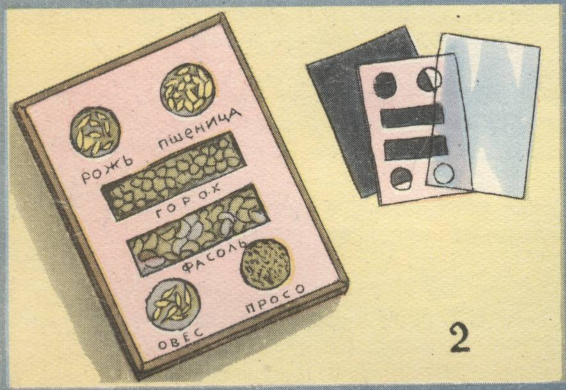
Цена 2 р. 50 к.

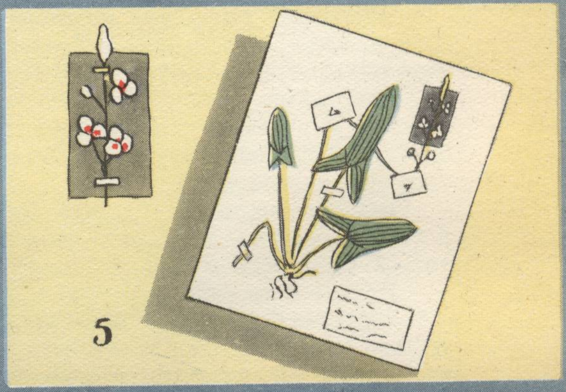

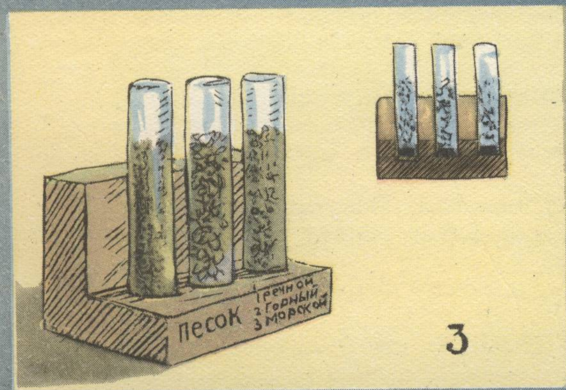
В ПОДАРОК ШКОЛЕ

Очень приятно приготовить для своей школы в подарок коллекцию бабочек, растений или минералов. Но, конечно, коллекции эти должны выглядеть красиво и аккуратно. О том, как оформлять различные коллекции, прочтите на странице 36.